

SECOND HAND

А.Жовна.

/из дневника, найденного в доме на пустыре/

То, что я веду себя именно так, отнюдь не следствие моего положения в обществе или моих возможностей. Отнюдь... Впрочем, дело не в этом. Поступать подобным образом меня побуждает что-то другое. Другие устремления. Полагаю, это особенное увлечение, которое даже не с чем сравнить. Наверное, кто-нибудь другой усмотрел бы в этом нездоровое проявление, хотя, собственно, я так не думаю. Я иду в лавку "Second hand" и покупаю старые вещи. Не помню когда и с чего все началось, знаю только, что не ходить туда уже не смог бы, как и не гулять вечерами пустынными улочками, с тем, чтобы, прошу прощения, заглядывать в чужие окна, за которыми происходит частная жизнь. Быть может, это не совсем деликатно с моей стороны... Вместе с тем, я уже не в силах отказаться от ночных прогулок и это одна из моих тайн... Или это болезнь? Если даже так, она нравится мне и я хожу улицами до поздней ночи, пока в окнах не гаснет свет. Днем возвращаюсь в лавку. Брожу там часами, рассматривая старые вещи. Особенно меня привлекает одежда. В ней чужие образы, частичка жизни, история личности, тайны отношений. Одевая ее на себя, я погружаюсь в чье-то прошлое. Никто не против, никто не мешает. Ко мне привыкли хозяева лавки и уже не обращают внимания. Более того, они хорошо относятся ко мне, улыбаются при встрече, ведь почти, каждый свой визит я что-нибудь покупаю. Здесь можно встретить совсем новую одежду, бывшую в употреблении раз или два. Но даже она уже знала прикосновение тела, так сказать, прониклась им. Такие вещи несут определенную информацию о владельце. Иногда мне кажется, они тоскуют по своим бывшим хозяевам, оставившим их в этом приюте, более не опекаясь ими. Я с нетерпением жду новых поступлений, заботясь о том, как бы не пропустить интриги первого знакомства с теми кого я еще не знаю.

В утреннем воздухе стояла густая дождевая пыль, оседавшая на лица прохожих, на их одежду, на все вокруг. Я пришел задолго до открытия лавки и совсем промок, пока дождался хозяев. Все утро я о чем-то думал. И теперь, когда заходил в дверь лавки. Незаурядная личность не станет носить тривиальных вещей, уверен в этом. Человек должен жить в гармонии со своей одеждой, во всяком случае стремиться к ней, ведь костюм - часть образа, индивидуальности, своеобразности. Примерно, что-то в этом роде я и думал, продвигаясь рядами, где висела одежда, когда вдруг увидел его. Это был новенький твидовый пиджак. Врядли его вообще одевали когда-нибудь. Примеряв его на себя, я тотчас испытал забавное чувство. Мне стало настолько тепло и уютно, словно назначение его и состояло в том чтобы согреть именно мое тело, да и шился он, собственно, для этого. Может причиной всему было то, что я насквозь промок, озяб и чувствовал себя не совсем комфортно? Впрочем, все это также не столь важно. Так или иначе, я уже знал, что приобрету его непременно. Я сунул руки в карманы и вдруг нащупал в одном из них что-то. Это была небольшая карточка из мелованной бумаги. В верхнем углу стоял маленький крестик. Я стал читать:

**ПОЧТИТЕ ПАМЯТЬ УСОПШЕЙ, В СКОРБНЫЙ ЧАС
ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ НАТАЛИ ДЭЙ.
ПОГРЕБЕНИЕ СОСТОИТСЯ 25 ОКТЯБРЯ В 12.00.**

Дальше шел адрес.

Я почему-то взглянул на часы. Сегодня было именно 25-е октября и у меня в запасе оставалось достаточно времени. А что если откликнуться? Ведь хозяин пиджака теперь я, а раз уж приглашение в кармане моего пиджака, то кому, как не мне, оно адресовано? Похоже, я даже улыбнулся от возбуждения, которое так внезапно овладело мной. Не став больше ничего мерять, а рассчитавшись за пиджак, уже не снимая его с себя, я вышел из лавки.

К полудню мне удалось разыскать нужный адрес. Пришлось ехать за город электричкой, потом еще несколько километров идти пустырем. Дом усопшей оказался высоким двухэтажным особняком, напоминавший готические мотивы, вперемешку с более свободными архитектурными решениями, что, в сущности, не портило его, хотя и немного сбивало с толку при первом знакомстве. Он был откровенно запущен. Впрочем, именно это наиболее импонировало мне. Что-то таинственное и загадочное присутствовало в этом доме. Он стоял в полном одиночестве и на несколько верст вокруг

не было ни одной постройки. Старая потемневшая черепица, обвитая роскошным плющом с уже покрасневшими листьями, почти вся поросла островками зеленого мха, создавая какую-то непостижимую акварель. Я прищурился, и акварель тут же растеклась, превратившись в еще более изумительную.

Стрелки моих часов сошлись на двенадцати. Возле дома никого не было. Казалось особенная тишина царила вокруг. К четверти первого мое терпение исчерпалось и я решил позвонить в дверь.

Дверь долго не открывали. И мне почему-то представилось, что именно теперь, там, в доме, в полном одиночестве, на высоком постаменте стоит изысканный гроб из дорогого дерева, а в нем лежит хозяйка дома, прикрытая кружевной прозрачной тканью, в ожидании владельца твидового пиджака. Со временем я уже почти верил в то, что, откройся теперь дверь, передо мной непременно предстала бы именно такая картина.

Когда я уже хотел было взяться за дверную ручку, в глубине дома послышались шаги.

Вскоре дверь отворилась. На пороге стоял старик в допотопной ливрее, очень похожий на лакея, от чего складывалось впечатление, что я только что перенесся как минимум на столетие назад. В его седой бороде, казалось, свили гнезда пауки, а древняя ливрея, если бы к ней прикоснуться, рассыпалась бы в пыль. Он молча смотрел на меня и его глаза не выражали ни беспокойства, ни интереса, ни какого-либо вопроса. Я поздоровался. Быть может он кивнул, а может, мне лишь показалось. Старик как и прежде молчал, оставаясь безразличным ко мне. Я решил показать карточку и сунул руку в карман. Дверь захлопнулась перед самым моим носом. Какое-то время я пытался размышлять. Затем решительно нажал кнопку звонка. За дверью не было слышно ни звука. Я нажал снова и почти сразу же постучал кулаком. Неожиданно в двери образовалось окошко, открылась маленькая дверца и там появилась уже знакомая мне борода. Я поднес к окошку карточку. Старик долго рассматривал ее, кажется, постепенно начиная кое-что понимать. В его глазах появились признаки жизни, похоже он припоминал что-то, и его глаза, мало-помалу, приобретали выражение присутствия на этом свете. Он еще раз тщательно осмотрел меня и дверь передо мной неожиданно отворилась.

- Вы кто? – вдруг послышался слабый скрежет какого-то ржавого механизма, доносившегося не то из погреба, не то из какого-нибудь подвального помещения. Поначалу я даже не сообразил, что говорит старик.

- Меня пригласили... - глупо ответил я.

Старик смотрел на меня так, как будто я только что свалился с неба или вырос из-под земли. Затем ко мне протянулась его костлявая рука. Я сунул в нее карточку, тут же брезгливо отдернув руку. Старик рассматривал приглашение, а я - его сморщенное лицо. В какой-то момент мне показалось: глаза его увлажнились, из-под воспаленного века появилась чуть заметная капелька. Щеки старика настолько запали, а скуловая кость выдалась вперед, что слеза не скатилась по лицу, а, оторвавшись от кожи, упала просто под ноги. Старик поднял глаза, и я снова услышал скрежет ржавого механизма.

- Откуда у вас

это?

Вот

это был вопрос! Нужно ли было раскрывать себя? Мне почему-то не хотелось этого и я молчал. Я отвел глаза и вдруг увидел в глубине дома женский портрет.

С тех пор прошло десять лет, - сказал старик, возвращая карточку, - такими вещами не шутят, молодой человек...

Я опешил. Мне почему-то стало жаль старика. Казалось глаза его еще больше увлажнились, а подбородок дрожал, он выпустил карточку и она упала мне под ноги.

Когда же, подняв ее, я собрался что-то спросить, старика уже не было. Я посмотрел на карточку, на дату под текстом, и вдруг заметил год. В самом деле, прежде я не обратил на это внимания - приглашению действительно сегодня исполнялось десять лет. Выходит, все это уже когда-то было и, вполне возможно, десять лет назад этот пиджак все же стал свидетелем похорон хозяйки дома. Постояв какое-то время у двери, разочарованный и неопределившийся, вложив карточку в карман, я отправился в обратный путь.

Уже проходя пустырем, я ловил себя на мысли, что не перестаю думать о ней... О хозяйке дома... Я так же вспоминал женский портрет, пытаюсь воссоздать в памяти лицо и чувствовал в груди странный трепет. Вдруг где-то издали послышались слабые звуки траурной мелодии. "У меня начинаются звуковые галлюцинации", - подумал я. Между тем, мелодия становилась все отчетливее, а немного погодя показалась траурная процессия. Это была небольшая группа людей, человек семь-восемь, не считая музыкантов.

Через какое-то время, оглядевшись, я вдруг увидел, что присоединился к ним. Еще минуту назад я ни

о чем таком не помышлял и не имел намерений здесь быть. Тем не менее, это произошло, и я теперь шел за гробом. Процессия двигалась медленно, то и дело меня направление, небо затянулось, и вскоре упали первые капли. Дождь был слабым и нерешительным. Впрочем, ему удалось усилить меланхолию и тоску, навалившихся так внезапно. Я приподнял ворот твидового пиджака и продолжил путь. Землю развезло и ботинки мои скользили. Еще через какое-то время показалось кладбище. Собственно, первое, что бросилось в глаза, была небольшая часовня, а уже затем стали видны кресты. Еще погода процессия ступила на кладбище.

Прошло совсем немного времени, и я заметил, что иду один, не помня как отделился от толпы и почему-то очутился по другую сторону кладбища. В какой-то момент я остановился и вдруг понял, что пришел. Да, именно так, я отчетливо это понял. На белом мраморном кресте было выбито уже знакомое мне имя Натали Дэй. Как случилось так, что я пришел именно сюда, к ее могиле, не укладывалось в голове. Это было почти не реально и удивляло даже такого мистика как я. Даты под именем говорили о том, что погребение состоялось ровно десять лет тому назад. Я снова вынул приглашение, еще раз перечитал его и, скомкав, бросил в траву.

День близился к вечеру. Надо было возвращаться домой. Я чувствовал усталость, словно после огромной физической перенагрузки. Когда же я наконец добрался к реке, за которой высилась железнодорожная насыпь, на землю спустились сумерки. Ступив на деревянный мостик, я вдруг подумал, что заметил его лишь теперь, потому что когда шел к дому, совершенно не обратил на него внимания. Остановившись посередине мостика я облокотился на его деревянные поручни и, размышляя о том, что произошло, смотрел как подо мной протекала темная вода реки. У левого берега, где темнела железнодорожная насыпь, в камышах умирал старый деревянный плот, видимо, брошенный ребятишками-мореплавателями, мечтавшими о путешествиях, а потом повзрослевшими. Я снова смотрел в темную воду и там, в ее невидимой глубине, вырисовывались зыбкие черты женского лица, которых мне так и не удалось рассмотреть. Не знаю сколько простоял здесь. Однако, когда взобрался на насыпь и зашел в кирпичный домик с вывеской «Полустанок Остров», лишь у билетной кассы спохватился, что всю дорогу думал о чем угодно, только не об электричке домой. Кассирша в окне беспомощно развела руками. Электричек сегодня больше не было. На мой вопрос о гостинице, лицо женщины вытянулось в удивленную гримасу. Я чувствовал себя растерянным. Не возвращаться же мне в дом покойницы, к своему новому знакомому. Вот это был бы номер...

Я вышел на перон. Достал из кармана пиджака сигареты. Небо снова прояснилось, но само солнце уже ушло за лес. Пахло камышом и речной тиной, сонно перекликаясь, тихо умкали лягушки.

Ко мне подошел грязный с еще невысохшей от дождя шерстью большой пес и долго молча смотрел на меня.

“А почему бы и нет? – подумал я, поджигая сигарету. – Раз уж захотелось острых ощущений, отчего не продолжить? Назвался груздем, полезай в кузов... Или как там еще? По крайней мере, интересно, на что я, собственно, способен? Да и нужна ли особенная отвага, чтобы переночевать в доме покойной, которая уже как десять лет гниет в могиле... Все же, откуда взялась эта похоронная процессия? Ведь намерений посещать кладбище у меня не было... И откуда мне было знать о ее могиле?”

Все происходило так, словно кто-то сделал это вместо меня. Я остановился, сунул руку за сигаретами, и вдруг вместо них вытащил из кармана карточку - то самое приглашение на погребение. Я почему-то считал, что выбросил ее еще на кладбище... Или, может, только собирался это сделать... Устал я сегодня... Сигареты были в другом кармане. Я зажег спичку и тут же увидел перед собой дом с плющем. Оказывается, пока я размышлял об этом, уже шел сюда, словно решение мной было принято прежде... Или, может, все же вместо меня? Впрочем, как бы там ни было, делать нечего, я здесь и здесь крыша над головой, а кроме этого старика, знакомых в этих местах мне все равно не сыскать...

Я позвонил в дверь.

Вскоре в ней отворилось окошко и оттуда высунулась знакомая седая борода. Какое-то время мы созерцали друг друга, но лишь только я решился заговорить, тот час услышал его скрипучий подвальный голос.

Ничего удивительного... - закивал головой старик, словно хотел сказать, что все понимает. – Я знал, что вы вернетесь, - продолжал он, открывая дверь, - что ж, проходите, видит Бог, я этого не хотел...

Я переступил порог. Старик пропустил меня вперед, а сам принялся закрывать бесчисленное количество замков, которыми была усеяна парадная дверь.

В здешних местах так небезопасно жить? – не удержался я.

Жить вообще небезопасно.

Что так?

Всегда можно умереть.

Логично, - улыбнулся я.

Главное актуально. Почти всегда. Посидите пока, я приготовлю ужин.

Старик намерился уходить.

Вы даже не спросили почему я вернулся...

К чему лишние вопросы. Мы оба все отлично понимаем...

Что именно, простите? Я просто опоздал на электричку. Всего лишь. Я уже возвращался в город...

Взглянув на меня, старик в очередной раз улыбнулся и вышел из гостиной, оставив меня одного.

“Что он там себе надумал? Эти его ухмылки...” – Я поднял глаза. Портрет висел на стене как раз напротив кресла, в котором я сидел, - “Неужели это и есть причина? Но я действительно собирался домой и лишь электричка...”

Какие-то звуки за спиной отвлекли меня.

Старик возвращался с подносом, на котором я увидел бутылку красного вина, столовые приборы, керамические горшочки и серебряные вазочки, накрытые высокими крышечками с наконечниками.

Вы голодны? – спросил он.

Я?

Вы так удивились, словно я могу спрашивать здесь еще кого-нибудь, - оборвал меня старик, - В доме с некоторых пор я живу один. Теперь нас стало двое...

Я оторвал глаза от подноса, почувствовав, как неожиданный холод пробежал по телу.

Вы так сказали... Вернее, ваша фраза прозвучала так, словно бы я... Я же не собираюсь здесь жить, надеюсь, вы понимаете это...Стечение обстоятельств... Мне нужна всего лишь одна ночь, с вашего позволения...

Старик снова взглянул на меня и так же многозначительно улыбнулся.

Почему вы так улыбаетесь? Вы так улыбаетесь, будто я говорю неправду, а вы мне не верите.

Почти никак не среагировав, он легко сменил тему разговора.

Не волнуйтесь вы так. Собственно, ничего страшного не произошло. Вы пьете вино?

Я? Простите... Я пью.

Старик налил вина. Мы выпили и я ощутил приятный терпковатый вкус.

Никто не скажет с полной уверенностью, что ему нужно на этом свете. Не пытайтесь разобраться и вы, мой вам совет.

- Что вы имеете ввиду?

- Электричка, говорите... - снова улыбнулся он. - Давайте лучше выпьем. Сегодня я приготовил салат из грибов и овечьего сыра. Не уверен, что все это так уж изысканно, однако, думаю, это вкусно, а главное – к стати к красному вину.

Он говорил, подсыпая себе салат, пил и ел с нескрываемым аппетитом. Старик словно помолодел в одну минуту, был активен и энергичен. Я тоже выпил и телу моему стало тепло и свободно. Очень скоро я перестал спрашивать себя, почему, зачем здесь, мне стало уютно в этом доме. Мой собеседник сидел напротив, а за его спиной висел портрет из которого на меня смотрела та самая молодая женщина, и я имел возможность видеть ее...

Так вот, - продолжил старик, - я прекрасно понимаю, что вы здесь не за тем, чтобы я подчивал вас сыром с грибами и пустыми разговорами... Она нравится вам?

Я по-прежнему смотрел на портрет.

Более того... Я сожалею, что так поздно появился на свет...

Это не имеет значения. Главное, что вы получили приглашение и откликнулись на него...

Старик отпил вина и откинулся на спинку кресла. Я посмотрел на него, давая понять, что не совсем понял о чем он говорит. Теперь он тоже смотрел на меня.

Ну-ну, не притворяйтесь, раз уж вы здесь.

Я и не думал... Мне действительно все это весьма любопытно, не скрываю, но...

- Понимаю, понимаю... Я расскажу вам, вы пейте... Врядли еще когда-нибудь вам посчастливится пить такое вино. Знаете сколько лет я пью это вино? Я начал пить его, - старик на мгновение задумался, - когда ваша бабка еще мочилась в пеленки, - борода его неожиданно затряслась от смеха, - иногда мне кажется - я помню динозавров, - добавил он, и седая борода затряслась еще активнее. Затем он бросил взгляд на портрет, как бы невзначай перекрестился, что-то пробормотал неразборчиво, и лицо его обрело немного смущенный вид. Он отставил бокал с вином и стал достаточно серьезен.

- Я служил ей всю свою жизнь... В сущности, она и была моей жизнью... Единственная и неповторимая... Полагаю, лишнее говорить об этом, сами имеете глаза, надеюсь, вкус, иначе бы она вас не выбрала...

Я снова не совсем понял последние слова старика, но кроме интриги, меня понемногу начинало доставать еще и некоторое раздражение.

Не хотите ли вы сказать, что имели сейчас ввиду хозяйку дома, когда сказали...

Я так сказал? – изобразил удивление старик.

Именно... - неприветливо подтвердил я.

Ну, может, и сказал, но почему вы подумали о хозяйке? Скажем, судьба... Она ведь тоже женского рода, в данном случае я имел ввиду именно ее... Наверное... Судьба избирает нас, одних награждая, других унижая. Ничего не поделаешь...

А как же сильные личности, которые сами устраивают свои судьбы?

Пустое... Сами знаете, зачем говорить? Не будем отвлекаться. Ведь вы пришли не за этим. Кстати, вы случайно не хотите сказать, откуда у вас этот пиджак? Впрочем, это не так уж важно. Главное, что он на вас. Между прочим, как в плечах, не жмет? Кажется, его бывший хазяин не отличался атлетической фигурой. Кретин...

Я поднял глаза. Старик держал паузу. Затем долил вина и отпил несколько глотков.

- Извините, я собирался говорить о другом... Поговорим о прекрасном...

На стене пробили часы. Стрелки сошлись на двенадцати.

О-о-о, простите, для меня это поздно, возраст, знаете... Я покажу вам вашу комнату... Идемте... - весьма неожиданно повел себя старик.

Казалось, он торопился, словно хотел устроить все как можно быстрее.

“Ну как же... Конечно, - подумал я, - Пора чудес и мистики, время когда в доме просыпаются приведения, и этот старый чудак продолжает валять дурака, чтобы я поверил в это.”

- Вы ведь собирались рассказать...

Теперь ни в коем случае, теперь вы должны отдохнуть, у нас еще будет время...-Перебил меня старик.

Чесно говоря, вы разочаровываете меня, если думаете, что интригуете или пугаете.

Я ничего не думаю и ни к чему вас не принуждаю. Не в моей власти управлять событиями, или, по меньшей мере, вашим настроением, я всего лишь смертный. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Не забывайте, вы здесь гость и нарушать традиции дома не к лицу воспитанному человеку. Прошу вас идти за мной.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться хозяину дома. Мы поднялись деревянной лестницей на второй этаж, и старик показал комнату, в которой я должен был ночевать. Она оказалась довольно просторной спальней и была подстать изысканности всего дома.

- Постель чистая, не сомневайтесь. В доме нет замков ни на одной двери, кроме парадной. Однако, переживать не за чем, никто никогда без позволения не откроет чужую дверь. Это тоже одна из традиций дома. Спи спокойно. Доброй ночи.

Старик закрыл за собой дверь и я неожиданно остался один.

“Кому бы их отворять, если здесь никого нет? – подумалось мне. - С чего все началось? Почему, собственно, я должен здесь ночевать? Зачем вообще я здесь? Неужели я сам этого хотел?”

Я осмотрелся вокруг и вдруг вздрогнул, увидев стоявшего в нескольких шагах мужчину. В следующую же секунду меня разобрал смех. Причиной всему был пиджак. Я просто не привык видеть себя в нем в зеркале. Улыбнувшись, я поприветствовал человека в зеркале и он ответил мне тем же. Зеркало стояло на высоком столике с изящными гнутыми ножками. Видимо, он был сделан из какой-то очень дорогой породы дерева, мне не известной. На столике лежали разные мелочи, которые никак не могли принадлежать мужчине: брошки, бусы, шпильки, гребни, коробочки и баночки, может быть с пудрой или какими-то кремами. Я подумал, что на всех этих предметах должна быть пыль, если ими никто не пользуется годами. Однако пыли не было. Оставалось предполагать, что старик тщательно протирал все эти предметы время от времени, не пользоваться же ему всем этим...

Я сел на кровать о чем –то думая, впрочем, тут же забыл о чем и никак не мог собраться с мыслями. Немного погодя, я лег не раздеваясь.

“Смогу ли я заснуть здесь? И чем там теперь интересно занят этот хитроватый старик?”

Чуть слышный хруст, время от времени, раздавался в комнате - и я никак не мог определить источника звука.

Я стоял в сумерках посреди комнаты, напрягая слух. Мне показалась, что хруст доносился от окна и я пошел туда. Поначалу ничего не удавалось разглядеть, но когда я поднял глаза, то в верхнем углу

оконной рамы увидел огромного паука, накрывшего всем телом не меньшую по величине стрекозу. Он перебирал лапками, задевая крылья стрекозы, от чего и создавался этот странный тихий хруст. Я опустил глаза. За окном была ночь. Легкий ночной ветерок шелестел листвой. Передо мной пролегла дорожка, которой я пришел сюда. Она почти светилась под лунным светом и я почему-то представил себе идущую по ней хозяйку дома. Она была в бледно-голубом изысканном платье, какие носили знатные женщины прошлого, и когда шла, кружева, венчавшие низ платья, приминали траву. Хозяйка прошла к фасаду дома и вдруг перед самым входом подняла голову, и посмотрела на мое окно. Я увидел ее лицо и, узнав его, тут же отпрянул от окна, ощутив, как тело мое пронизал ледяной холод. На мгновение мне показалось, что все это было не плодом моего воображения, а реально существующей картиной. Мне даже показалось, как отворилась и затворилась входная дверь. Превозмогая себя, я снова приблизился к окну. Как и прежде легкий ночной ветерок шелестел листвой, луна освещала дорожку, вокруг было пустынно.

Я не из трусливого десятка, однако не привык спать с незакрытой дверью, тем более в чужом доме, не потому что кого-то остерегаюсь, нет, скорее от неудобства, все же сон - это определенный интим и не хотелось, чтобы кто-нибудь нарушал его. Осмотревшись, я взял стул и сунул его ножку в ручку дверей.

Быть может прошел час, а может и больше, я ворочался в своей постели, переварачивался с боку на бок, однако уснуть не удавалось. Еще через какое-то время я поднялся и, подойдя к двери, прислушался. Казалось, кто-то тихо говорил, там, внизу. Меня распирало любопытство. Я освободил дверь от стула и осторожно приоткрыл ее.

Внизу тускло мерцал свет. “Тоже не спится... А говорил, традиции дома...”, - подумалось мне. Было тихо, ни звука не доносилось из гостиной.

Видимо, все просто показалось, или я снова надумал себе, разве не надумаешь в таком доме такой ночью... Мне все больше хотелось заглянуть и хоть краем глаза увидеть старика. Я тихо, на цыпочках, подкрался к перилам и осторожно склонился над ними. Старик сидел в своем кресле напротив портрета, я видел лишь его затылок. Похоже, он спал.

“- А не попутишествовать ли мне по дому тем временем? Удобно ли? По меньшей мере не воспитанно, сказал бы он. Нужно удостовериться, на самом ли деле он спит...”

Я уже спускался лестницей, все ближе и ближе подбираясь к старику. В какой-то момент мне показалось, что его затылок несколько странно застыл, да и сам старик был мало похож на спящего, скорее... Я пытался прогнать неожиданные мысли, однако что-то принуждало меня думать именно так. Я подошел совсем близко. Глаза старика были открыты и смотрели на портрет, вместе с тем взгляд его был остывшим, неподвижным, словно остекленевшим. Я стоял пред ним уже не прячась, сам будто остекленевший, я не мог двигаться, тело мое окоченело, работал лишь мозг. Я вдруг осознал, что остался один на один с домом и, теперь уже мертвым его последним обитателем.

Еще долго я не в силах был оторвать ног от пола.

Вскоре что-то отвлекло меня, я увидел, как недалеко от стола, за которым мы не так давно сидели, выбежал мышенок. Поднявшись на задних лапках, он внюхивался в окружающий воздух, потом увидев меня, торопливо спрятался за посудным шкафом. Я снова смотрел на мертвого. Выражение его лица было спокойным уравновешенным, как и его прежний характер.

Однако, как мне теперь быть? Возникал вопрос, в моих ли интересах мое присутствие здесь? Меня вполне могли бы заподозрить. Как бы я объяснил его смерть, если бы меня об этом спросили? Убедительного ответа у меня не было. В какой-то момент я даже начал вспоминать не сделал ли я чего-нибудь такого, что могло бы повлечь за собой его смерть, или по меньшей мере каким-то косвенным образом повлиять на происшедшие события. “Какова была цель моего прихода сюда изначально? - Спросил я себя. - Я пришел сюда без цели? Даже я не поверю в это. Она, определенно, была. Почему я не могу сконцентрировать мысль? В голове черт знает что. Неужели до сих пор это вино?”

Похоже за окном начинало светать. Я вышел из дома. На улице было прохладно. Я ощутил это, и заметил, что забыл свой пиджак. Вернувшись в дом, я поднялся на второй этаж. Очутившись в спальне, я снова вздрогнул, увидев себя в зеркале. Однако теперь несколько по другой причине. Передо мной было давно не бритое уставшее лицо. Что-то заставило меня взглянуть на свои часы. На циферблате, в маленьком окошке, где чередовались числа месяца, стояла цифра двадцать девять, двадцать девятое октября... Получалось так - как будто я пробыл в доме почти четыре дня. Между тем, я отчетливо помнил все события этой ночи. В каком состоянии я пребываю? Я посмотрел на окно. В верхнем углу оконной рамы золотилась паутина, ее каснулся рассвет, паука не было, оставалась лишь одна высохшая стрекоза. Я одел пиджак.

В гостиной я еще раз взглянул на старика. Он, как и прежде, стеклянно смотрел на портрет.

Казалось, чуть заметная улыбка теперь появилась на лице хозяйки дома или, может, я просто не заметил ее раньше. Какое-то время я оставался в неопределенности, пока, в конце-концов, не принял решение оставить все как есть.

Лишь к вечеру я переступил порог своей квартиры. Похоже, это была первая ночь за последнее время, когда я спал, как в детстве. Даже, думаю, она была не одна, эта ночь, то есть не одни сутки, впрочем, это не важно... Я не пошел на работу. В сущности, я не был там почти месяц, а может, и больше, смотря сколько проспал... Впрочем, это мало волновало меня, а еще вернее, не волновало вовсе. Что-то значительнее, важнее появилось в моей жизни, и когда я так думал, мне представлялся дом с плюшем, портрет, все, что было связано с этим.

Я посмотрел на часы. Сегодня было первое ноября. Кажется, что-то изменилось в комнатах, или это лишь впечатление... Я зашел на кухню. На столе лежал клочек бумаги. Я поднял его.

“Даже мое терпение имеет предел. Освобождаю тебя от себя. Теперь ты сможешь делать это сколько захочешь. Тебе никто не нужен. Так же и я. Прощай.”

Это был почерк моей жены. Мы прожили с ней почти три года. Она никогда не разделяла моих увлечений, она не понимала моих ночных прогулок. Что это, если не ограниченность вкуса, воображения? Не интересоваться неповторимым миром чужих отношений, форм, движений, взглядов, настроений, характеров. Мне всегда было жаль ее. Она осуждала мои визиты в лавку. Смешно, она даже усматривала в этом опасность, она называла это странным или поведением, не совсем соответствующим норме. Какая ограниченность. Следует отдать должное: ей все же хватило мудрости оставить меня... Итак, сегодняшний день... Мои планы на сегодняшний день... Их не было... Как чертовски приятно осознавать себя не заангажированным обществом, как замечательно иметь свободу и свободно подчиняться ей! Я вдруг вспомнил о старике лакее. Всецело разделяю его мнение. Судьба – вот поводырь! Впереди неизведанность, и я готов к ней. Внезапно я ощутил острую потребность, мне чего-то безумно не хватало. Выйдя из кухни, я прошелся комнатами, снова вернулся назад и остановился в коридоре. Предо мной на спинке стула висел ОН, мой твидовый пиджак. Он действительно был моим, я чувствовал это каждой частью тела, каждым участком кожи. Я одел его, словно погрузившись в желанный мне мир, и вдруг нащупал что-то в его кармане. Его милые карманы, они всегда дарят неожиданные сюрпризы. Это была связка ключей, тех самых ключей, с которыми я впервые увидел старика. Как они попали сюда? Я захватил их машинально? Кто-то подбросил их мне? Сейчас это было не столь важно. Суть в другом. Они есть и они у меня, все должно продолжиться. “Интересно, как там теперь старик, неужели до сих пор в кресле, возле ее портрета? Она и вправду само совершенство...”

Я думал об этом сидя у окна электрички, с каждой секундой приближавшей нас друг к другу. Я ехал сквозь осень, неповторимую милую осень, ехал в мир иллюзий, загадок и тайн.

Замки подчинились так легко, словно бы они только и ждали, когда в них проникнут ключи. Этот старый педант, похоже, смазывал их изо дня в день.

В гостиной было много солнечного света, особенного, осеннего, белого, как полотно, в которое хочется завернуться. Тишина, покой и неповторимое умиротворение вокруг. Я остановился посреди гостиной. Я даже забыл о старике и не обратил внимания, на то, что его не было в кресле. Меня поразило другое - слой пыли и золотистая паутина покрывали все вокруг. Я подошел к камину. Казалось, им не пользовались много лет. Впрочем, это также не было столь важным и мое удивление развеялось, как только я увидел портрет. Он был освещен солнечными лучами, а ее лицо еще приветливей улыбалось мне.

Я сел в кресло напротив портрета и больше ни разу не вспомнил о старике, как и куда он исчез, да и был ли он вообще, это мало интересовало меня. Наконец я ощутил себя целостной личностью. Было что-то главное, и большинство житейских мелочей я отметал, как ненужный хлам, я определился, и мой путь к цели должен быть светлым и просторным, ничто не помешает мне теперь. Как уютно и комфортно я чувствую себя здесь. Я вполне мог бы пожить тут какое-то время. Зачем это мне? Потому что мне хорошо здесь, разве это не аргумент?

Вскоре я путешествовал этим большим домом, заходил в незнакомые мне комнаты, их двери и вправду были без замков, и я чувствовал особенную причастность ко всему тому, что происходило здесь. Я снова буду ночевать в нем, я буду спать в ее комнате, я пробуду здесь столько, сколько захочу. Я обрел место, которое обеспечит мне исключительное одиночество, мне не станет докучать

общество. Оно и в самом деле обременительно и надоедливо. Оно грубо и неповоротливо, как в движениях так и в мыслях. Люди столь тяжелы и неуклюжи, от того, что материальны, с переполненными желудками и замусоренными мозгами. Другое дело - мои новые знакомые, они изящны и прозрачны, с ними приятно иметь дело. Сколько деликатности и такта! Совершенство моего нынешнего окружения не вызывало сомнений. Кажется, больше ничего не нужно, ничего... Отсутствие устремлений – это ли не достижение? Это ли не сбывшиеся надежды? Я имел что-то очень похожее. Я целиком повиновался происходящему, не анализируя, не прогнозируя и не интересуясь последствиями.

Остановившись в своей комнате... Странно, что я так подумал, ведь должен был сказать в ее...Ее комнате... Тем не менее... Какая-то безосновательная радость тешила меня. Вероятно, что-то похожее испытывают зависимые от морфия, после принятой дозы. Я взял с трюмо круглую шкатулку, обитую серебряной вязью и инкрустированную синей с белой эмалью и открыл ее. Это был крем или какое-то косметическое масло. Не стану искать точного определения, не это заинтересовало меня, было нечто другое, привлекавшее мое внимание. Собственно, маленькое углубление на его поверхности. Это был отпечаток женского пальца, вне сомнения. Утонченный и очень естественный, словно только что оставленный. Неужели структура этой косметической штуки имеет свойство сохранять форму на протяжении лет? Ведь существуют перепады температур, химические распады, что там еще... В конце-концов, за десять лет он должен был просто высохнуть или, наоборот, растаять. Я коснулся мягкой поверхности пальцем. Свежая влажная масса легко изменила форму. Поднеся палец к лицу, я услышал приятный запах, который почему-то отправивший меня в воспоминания, казалось, он был знаком мне. Потом я брал еще какие-то вещи, крошечную бутылочку с духами, небольшой веер, гребень из темного дерева и серебрянной ручкой в виде головы ящерицы, несколько брошей, заколки... Потом попытался открыть ящик стола, он высунулся лишь на четверть и на пол посыпались темно-синие бусинки. В глубине ящика что-то лежало, мешавшее высунуть его полностью. Я просунул руку и нащупал что-то плоское твердое. Сделав несколько попыток, я все же открыл ящик. Передо мной был серый бумажный пакет с грамофонной пластинкой. “А.С. Пушкин. “Черная шаль”. – прочитал я надпись на пакете. “Зачем грамофонная пластинка, если нет грамофона?”-подумал я. Продолжая рассматривать ее, я вдруг ощутил некий дискомфорт. Так бывает, когда за тобой следят. В самом деле, я почувствовал на своем затылке чей-то взгляд. Медленно осмотрев комнату, я остановился на ее дальнем углу. Из темноты на меня глядело что-то огромное, круглое. Я даже вздрогнул от неожиданности. Это была старая, с тусклыми отблесками медных залысин, грамофонная труба. Грамофон стоял на высокой деревянной подставке в виде античной колонны. Неужели я был столь не внимателен, чтобы не заметить его раньше? Складывалось впечатление, что он появился здесь только теперь или же я на самом деле не обратил на него внимания. Я снова посмотрел на пластинку, затем, взяв ее в руки, подошел к грамофону. Выкрученная медно-зеленоватая труба с круглым массивным звукоснимателем и острой железной иглой, словно ожидали жертвы, и у меня не было сомнений, что я отдам ее им сею же секунду без малейших колебаний. Я поставил пластинку на диск, опустил на нее звукосниматель и он с жадностью впился острой иглой в ее черную блестящую поверхность. Решительно нажав на блокиратор, я освободил пружину. Диск закружился. Поначалу из трубы послышалось шипение, словно там, в ее глубине потревожили старую змею, затем полилась тихая мелодия и вскоре зазвучали первые строки:

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль...

Внимая тексту, я поднял голову. На стене висели фотографии в маленьких рамках. Здесь же была пожелтевшая виньетка с надписью “10-А класс 1971год”. Я рассматривал незнакомые молодые лица с подписанными под ними фамилиями. В какой-то момент взгляд мой остановился. Глаза девушки показались знакомыми. Этот взгляд, он был особенным, как и на портрете. Его нельзя было пропустить или не узнать. Она смотрела чуть улыбаясь, и от ее улыбки мне почему-то стало грустно. Уже довольно продолжительное время грамофонная труба повторяла один и тот же звук. Игла съезжала с поврежденной дорожки и голос в который раз повторял одно и то же слово. Я помог игле и текст продолжился. Разглядывая старую виньетку, я о чем-то думал, пока снова не услышал, как игла съехала с дорожки и никак не могла одолеть очередной преграды. Я нажал на блокиратор. Диск остановился.

Дзынь... Дзынь... - послышалось внизу. Звонили в дверь. Я почувствовал, как сжалось сердце. Кто бы это мог быть? В дверь снова позвонили. В конце-концов я решил спуститься.

Спускаясь лестницей, я вновь посмотрел на портрет и заметил особенное расположение в ее глазах. Может, именно поэтому, обретя неожиданное спокойствие, я открыл дверь.

На пороге стояла почтальон. Это было понятно по ее виду. Их трудно не узнать, почтальонов, может быть поэтому их сразу замечают и так не терпят дворовые собаки, может их дразнит эта огромная сумка за спиной. Неподдалеку в траве, на подножке, стоял женский велосипед.

Взгляд почтальонши не выдал и тени удивления. Она поприветствовала меня так, словно мы были знакомы много лет и виделись, по меньшей мере, каждый день. В какой-то момент мне даже показалось, что лицо ее знакомо мне, но вот откуда, я никак не мог припомнить.

Как вам это нравится? – спросила она и, не дождавшись ответа, уведомила, - Вчера с вечера, что телевизор, что радио в один голос обещали дождь. Вот и верь... - она подняла голову. Я последовал ее примеру. Над нами было безоблачное небо. Почтальонша протянула мне несколько газет. – Сколько живу, такого зноя не припомню, - отметила она, снимая с подножки велосипед... - Ехать... Скоро стемнеет... Будьте здоровы...

Нога почтальонши коснулась педали и ее давно не новый женский велосипед, поскрипывая, покатил по дорожке. Еще погода, я уже видел, как ее силуэт терялся в расплавленном воздухе, который перемещался над пустырем, словно растопленный сироп.

Возвращаясь к дому, я подумал о том, что одной из моих особенностей, был ли это недостаток или наоборот, являлось то, что я более чем равнодушным оставался ко всяким печатным текстам, особенно газетным. Все, на что я был способен, разве прочесть заглавия и просмотреть фото. Таким же образом я намерился поступить и в этот раз. Разместившись в кресле у камина, я перелестнул страницу.

“Спад биржевой лихорадки”. “Кризис нового парламента”. “Нынешний мэр Александр Булат – реальный претендент на следующий срок”. “Ливерпуль” потерпел от “Манчестера”. “Тройня от донорского оплодотворения”. “Глобальное потепление сквозь озоновую дыру”.

Зевнув, я взял следующую газету и поступил с ней тем же образом. Очередные заглавия не заинтересовали меня, фото не удивили. Я отложил газеты. Однако, совсем скоро я почувствовал легкое волнение, дискомфорт, что ли... Так бывает, когда ты хочешь что-то вспомнить, на самом же деле не имея ввиду ничего конкретно. Я поднял глаза. Передо мной был портрет. Ее взгляд... Спокойный, ласковый... В нем угадывалось отношение, и оно касалось меня непосредственно. Я не сомневался - он был обращен ко мне, да, именно, это было обращение... Я снова попытался сосредоточиться, на том, что именно хотел вспомнить. И вдруг на глаза мне снова попали газеты. Я еще раз перечитал заглавия. “Биржевая лихорадка...” “Кризис нового парламента...” Нынешний мэр Александр Булат...” Александр Булат... Вот! Именно это имя... Такое впечатление, что я уже слышал его когда-то, впрочем, не когда-то, а только что. Я оставил газеты и поднялся в спальню, сделав это молниеносно. Оказавшись возле виньетки, я стал перечитывать имена выпускников 1971-го года. Вскоре взгляд мой замер. Молодой человек с высоким лбом и уверенным взглядом смотрел на меня с пожелтевшей фотографии. “Александр Булат...” – прочитал я. “Бо-о-о-о-м-м-м...” – донеслось с гостиной, заставив меня вздрогнуть. Часы продолжали отбивать время, однако последующих ударов я уже не слышал. Их фотографии на виньетке разместились рядом. Тот самый Булат? И снова я ощутил взволнованно напряженное состояние, когда хочешь что-то припомнить, очень сильно, неудержимо, сей же час. Я посмотрел на ее фотографию, ожидая поддержки, хоть какой-нибудь подсказки. Постепенно мои глаза опустились, словно кто-то подливал в них свинец и я теперь снова видел перед собой с меднотусклыми бликами грамфонную трубу. Приподняв звукосниматель, я поставил иглу на начало пластинки. Затем осторожно отпустил пружину. Диск начал вращение.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был.
Младую гречанку я страстно любил;

Должно бы быть... Должно бы быть “любил”... У Пушкина... Однако, именно это слово и было изуродовано грамфонной иглой, которая вновь наскочила на ту же преграду. Из слова выпало несколько первых звуков и вместо “любил”, грамфонная труба твердила: “убил, убил, убил...” Я помог игле, текст продолжился. Я с нетерпением ожидал следующей преграды.

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат...

И вновь игла, наскакывая на преграду и всякий раз, съезжая с дорожки, повторяла одно и то же слово: “булат, булат, булат...” Я снова помог ей и весь последующий путь игла прошла без задоринки.

...булат загремел...

Прервать поцелуя злодей не успел

...С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В Дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Если бы опустить весь текст, пройденный иглой как по маслу и оставить лишь те места или слова, на которых она останавливалась, пластинка несла вполне определенную информацию, которую и включали в себя эти два слова, а именно “убил”, “булат”. Я снова поставил пластинку с самого начала и снова игла повторила тоже самое. Я смотрел на фотографию молодого человека, а граммофонная труба неустанно твердила: “булат, булат, булат...” Потом я снова и снова повторял ту же процедуру и игла неизменно акцентировала внимание именно на этих, ею же созданных словах. Я перевел взгляд на фотографию, где была молодая хозяйка дома. И снова это состояние... Вернее, то же ощущение отношения, целиком и полностью подтверждавшего правоту моих догадок и свидетельствовало о том, что поведение граммофонной иглы, виньетка и сегодняшняя газета были звеньями одной цепи, однозначно указывавшей на преступление, совершенное десять лет назад, с которым и была связана смерть хозяйки дома. Безусловно, она была насильственной. Произошло убийство. Теперь я окончательно утвердился в своих предположениях, так же как и в том, что теперешний мэр города был непосредственно причастен к этому. Каким же образом и при каких обстоятельствах, предстояло выяснить. Именно так я решил для себя в тот же день. Эта мудреная подсказка тешила и увлекала, имею ввиду ее форму, вместе с тем, собственно, сам факт был куда более серьезным.

Неожиданная физическая усталость навалилась на меня. Едва успев прилечь на кровать, я не заметил, как уснул. Когда же, со временем, открыл глаза, то увидел за окном темноту. Где-то на пустыре лаяли собаки и кричала ночная птица. Повернувшись на другой бок, я снова провалился в сон и сознание мое окутал непроглядный туман.

Утро следующего дня выдалось солнечным и приветливым. Меня разбудили какие-то птицы, усевшиеся на металлический подоконник и методически колотившие клювами в окно. По его внутренней поверхности ползали крохотные мошки и глупые пернатые пытались клюнуть их по ту сторону стекла. Понаблюдав за их бессмысленным занятием, я перевел взгляд на стену, где висела виньетка, затем на граммофон, мерцающий тусклыми бликами трубы, потом на трюмо. И вдруг вскочил с кровати, так словно на меня неожиданно вылили ведро ледяной воды. Там, на его зеркальной поверхности, было что-то написано. Я подошел ближе. Темно-алого цвета буквы аккуратно выведены, скорей всего губной помадой. Здесь же, на трюмо, лежал открытый помадный карандаш, похоже, тот самый, которым и была сделана надпись. Она состояла из одного слова:

БЛАГОДАРЮ

Легкий холод осел в моей груди. Сломя голову я бросился в гостиную.

Сбежав лестницей к входной двери, проверил замки. Все они были на месте и надежно заперты. Я снова поднялся в комнату. И тут-то меня ожидало еще одно, не менее загадочное, обстоятельство для

размышлений – надписи на зеркале не было. Я рассматривал зеркальную поверхность с разных точек, пробовал пальцами, однако никаких признаков только что увиденного не находил. Я даже улыбнулся и заметил, как то же самое сделало мое отражение в зеркале. Какое-то время я находился в полной растерянности, не прибегая ни к каким действиям или решениям. Мне снова на глаза попался помадный карандаш. Взяв его в руки, я стал рассматривать его. Одна сторона карандаша на самом деле была немного стертой. Собственно, это еще ни о чем не говорило. Его могли стереть когда угодно и при совершенно других обстоятельствах. Иначе говоря, если все, что я видел, лишь продукт моего воображения, моего, так сказать, физического или психического состояния и это состояние, как сказала бы моя супруга, не отвечает норме, то вполне вероятно, что ничего такого и не было вовсе, а вся причина лишь во мне самом... Легкая тревога коснулась моей груди... Именно тревога, не страх... Ни в коем случае... Нет... Я рассматривал в зеркале свое лицо... Казалось оно приобрело какие-то новые черты, раньше не замеченные мной... Или они возникли только теперь? Что именно изменилось в нем, добавилось ли, утратилось, определить я не мог, однако то, что оно стало другим – было несомненно. Почти машинально моя рука с помадным карандашом потянулась к зеркалу.

ЗА ЧТО?

вывел я.

“Именно это и станет проверкой; подтвердит или опровергнет мои предположения...” – подумал я.

В течение всего дня я ждал ответа и всячески старался предоставить возможность автору надписи откликнуться, который, как мне казалось, предлагал диалог. Кто бы он ни был, как бы не существовал в природе, пусть материальным существом или духовной субстанцией, чем-то совершенно непостижимым, я делал все для того, чтобы диалог продолжился.

Почти весь день я не заходил в комнату. По несколько раз покидал дом, оставляя не закрытой дверь. Гулял пустырем, отдаляясь на приличное расстояние. Даже зашел на кладбище, проведая уже знакомую мне могилу... Я так сказал, словно бы это произошло невзначай, между прочим... На самом деле, не стану скрывать, я пошел туда не просто убить время. А скорее продолжая искать связь или возможность каким-то образом ее осуществить, ведь было уже понятно, что неопределенный предмет подозрений как раз и концентрировался вокруг того, скажем так, что находилось теперь там, в могиле. Однако, не смотря на все мои усилия, ничего такого не произошло и после возвращения в дом, когда уже на землю спустились сумерки, кроме своего вопроса, написанного на зеркале, ничего нового я не нашел. И лишь внезапная физическая усталость снова навалилась на меня с такой силой, что я едва успел к кровати.

На следующий день, проснувшись, первое, что я сделал, посмотрел на зеркало. Меня снова ожидало разочарование. Однако, когда я почти с негодованием откинулся на спину, в следующую же секунду меня захлеснуло волной неожиданного возбуждения. Уже знакомым мне почерком на потолке было написано следующее:

ЗА ПОНИМАНИЕ...

Несомненно это был ответ. Со мной общались, меня не проигнорировали, мной не пренебрегли, жизнь приобретала вполне определенный смысл. Я даже почувствовал некое уважение к своей персоне. За несколько секунд на потолке разместилась еще одна надпись, и я был ее счастливым автором.

КТО ВЫ?

Не больше, не меньше, интересовало меня. Сделать надпись было не так просто, мне стоило не мало усилий и изощренной находчивости, тем веселее теперь я ценил свой поступок. Впрочем, опустим мои маленькие трудности, так же как и примененную мной технологию, все это сущие мелочи в сравнении с достигнутым. Главное, что я на верном пути и лишь по силе возможности способствую судьбе, которой свободно повиновался. Кроме того, меня все больше и больше заинтересовывала вся эта история, начало которой положила старая карточка, найденная мною в кармане твидового пиджака.

Я влез на подоконник и дописал на стенке, как только выше мог достать:

МОГЛИ БЫ МЫ ВСТРЕТИТЬСЯ?

Теперь я понимал – присутствие мое, ни коим образом не касалось настроения или намерений моего, так сказать, таинственного визави. Я мог оставаться где угодно и как угодно, вместе с тем ответ мог появиться в самом непредвиденном месте.

Такого разочарования и тоски я не испытывал, сколько жил. Прошло несколько дней, а ответа не было. Я терялся в догадках. Что могло помешать диалогу? Чем я мог обидеть или насторожить? И не находил ни малейшего повода для молчания. Между тем, кто знает - с какой утонченной натурой я столкнулся и что за изысканную организацию представляло собой то, с чем я имел теперь дело. Учитывая экстраординарность своего неведомого собеседника и непредвиденностью его решений, я заглядывал в самые недоступные места, в самые невероятные закоулки, идя наперекор логике и здравому смыслу, я обыскивал весь дом, но ничего не находил.

Как-то я решил прогуляться пустырем, очень уж хорошим был вечер. Так случается, перед дождем, когда природа готовится к значительным переменам после продолжительного однообразия. Обостряются запахи, тревожатся насекомые, наливаются травы, заливаются сверчки, дышать становится легче, свободнее, в груди слышно незнакомое приятное волнение, и такое волнение трудно с чем либо сравнить. Любуясь и восхищаясь необычными перевоплощениями окружающей природы, я не заметил, как подошел к кладбищу. Первые скудные капли упали в траву. Сорвав несколько цветов, росших тут же возле входа, я прошел в кладбищенскую калитку. Если бы кто спросил меня, зачем я сделал это или даже если бы я спросил об этом у себя сам, то врядли бы нашел убедительный ответ. Впрочем, наверное у меня была цель. Может, еще не совсем явно обозначена, однако я чувствовал, как она формируется и растет и я шел сюда не просто так, а цветы, сорванные мной, имели свое предназначение. Я все ближе и ближе подходил к ее могиле. Так я думал... Между тем, скоро понял, что имею определенные трудности, потому что уже битый час топтался на одном и том же месте, а могилы не находил. Кладбище было небольшим, но очень уж запущенным, заросшее густой сиренью, пронизанной узкими тропками и крохотными искусственными островками-полянами, видимо расчищенными близкими умерших. На одной из таких полян была и ее могила. Я продолжал бродить среди высоких кустов уже достаточно времени, но могилы по-прежнему не находил. Она словно провалилась сквозь землю. Лабиринт тропинок водил меня по небольшому участку, словно задачей его было порядком поиздеваться и истощить меня физически. Следует отдать должное – все шло к тому. Я то и делал, что нагибался, пробираясь под густыми ветвями, то разгибался на небольших расчищенных островках. Как-то во время одного из таких маневров, когда я, преодолев очередную сиреневую стену, поднял голову, то почти остолбенел от неожиданности. В нескольких сантиметрах от моего лица, блестели два огромных круглых глаза, они смотрели в упор, не мигая. Что-то оторвалось у меня в груди и, подкатив к горлу, застряло там, сдавив дыхание. Так, не дыша, не двигаясь, смотря глаза в глаза, я находился в продолжительном ступоре. Это были глаза огромного, видимо очень старого, желто-серого филина, сидевшего на железном кресте, как раз в мой рост. Не успел я толком опомниться и вдохнуть воздух, как филин, взмахнув крыльями, едва не зацепив мое лицо, обдав меня мощным воздушным потоком, исчез в кустах. Мне даже не удалось разглядеть его как следует и захотелось сделать это немедленно. Казалось, он сел где-то неподалеку, потому что шум крыльев стих сразу же после того, как огромная птица скрылась из виду. Я осторожно отвел ветку сирени и прошел дальше. Сделав еще несколько шагов, я выбрался на довольно просторную поляну и сразу же остановился. Теперь я пришел. Как и минуту назад, его темные круглые глаза смотрели на меня равнодушно, или же это была какая-то особенная птичья задумчивость. Он сидел на белом мраморном кресте, который я вот уже четверть часа так тщетно пытался найти. Какое-то время я не сводил с него глаз, не зная как быть дальше. Но скоро мою нерешительность развеяла сама птица. Филин взлетел неожиданно, так, словно завершив возложенную на него задачу. Теперь он больше не интересовал меня. Я стоял перед ее могилой, насыпанной десять лет назад, а меня переполняли чувства, словно все это произошло вчера, и там, в земле, под крестом, лежал кто-то очень близкий мне, настолько близкий, что на сегодняшний день у меня не осталось никого ближе. Я положил на могилу цветы и почувствовал неожиданную тоску. Так не было со мной давным - давно, разве что в детстве, когда в приюте, где я воспитывался, меня обижали старшие ребята. Они отбирали вещи, которыми я так дорожил и мне не у кого было просить помощи. Я лишь пугал их своими родителями, которых никогда не знал. Я не жаловался учителям и не плакал. Никто ни разу в приюте не видел моих слез. И вот теперь я почувствовал, как глаза мои стали влажными. Тоска, вселившаяся в меня, все возростала и качество ее постепенно изменялось,

она становилась нынче сладостной, это была уже тоска волнующая и трепетная, которая приносит наслаждение.

Возвращаясь к дому, я чувствовал невыразимую радость, радость, происхождение которой не можешь объяснить. В то же время она переполняет с такой непостижимой силой, что на глазах появляются слезы.

Едва открыв дверь дома, я почувствовал, что меня ожидает нечто невероятно приятное, и надежды мои вскоре оправдались. Над камином, под ее портретом, я увидел надпись. В этот раз цвет был спокойный, уравновешенный, даже ласковый. Голубое с бирюзой. Таким бывает вечерний океан, когда садящееся солнце, подсвечивая его воды.

“Очень трогательно...” - прочел я и поднял глаза на портрет. Ее взгляд сегодня был особенно нежным, я почувствовал как от него почти физически тает мое тело, казалось, оно сейчас просто стечет на пол, и то, что от меня останется, заполнит собой все щели этого дома. Я снова опустил глаза, - “Как вам здесь?” - следовало дальше, - “Не устали ли вы от одиночества?”

Похоже, моя душа стремилась вырваться из пут моего тела и взвиться туда, к ней, в ее таинственный мир, оставив все, что было до этого, утратившее теперь для меня всякую цену и значимость. В этот раз я буду особенно осторожным, особенно бережным и нежным, чтобы никак не обидеть ее словом, мыслью. Я не спешил с ответом, умышленно продлевая наслаждение чтением, забавляясь словами, как малое дитя любимой игрушкой. – “Вопрос не в том, кто я. Вопрос в том кто он, и кто в данной ситуации вы, если вы разобрались в течении событий и готовы выполнить миссию...”

Она непревзойденная, милая, милая и неповторимая, она доверилась мне. Я тут же стал писать: “Надеюсь, мне удалось разгадать этот изысканный ребус, предложенный вами, и я все более склоняюсь к тому, что начинаю осознавать миссию. Более того, мне кажется я готов выполнить ее. Однако мне очень хотелось бы...” – Я задумался. Как бы это вернее истолковать, чтобы снова не обидеть ее... Говорю ее, потому что окончательно утвердился в том, с кем теперь имел дело и не скрываю своего наслаждения в связи с этим. Повторяю, совершенство ее не вызывало сомнений и ради нее, (я еще раз убеждался в этом), я готов был к любым, самым опасным, самым безрассудным поступкам. Поразмыслив, я не стал продолжать фразу, а дописал следующее: “Теперь, в данной ситуации и в связи с моим состоянием и внутренней мобилизацией, для меня невозможного мало...”

Полагаю, мне удалось доходчиво и вместе с тем убедительно передать несколькими словами главный смысл, с тем, чтобы она не имела никаких сомнений в искренности моих намерений. И я не ошибся. Буквально через несколько минут, проходя корридормом, я увидел длинную надпись, простилавшуюся вдоль стены.

“Отдаю должное вашей деликатности. Имею ввиду неоконченную фразу. Она действительно обидела бы меня и привнесла некоторые малоприятные изменения в мое отношение к вам. Полагаю, вы понимаете меня...”

Мое увлечение поглощало меня, как нежный искушающий спрут. Я тут же не колеблясь откликнулся, сделав это куском мыла, нашедшим на кухне. Я начал так: “Моя...” - Потом зачеркнул и, поразмыслив, решил иначе. – “Буду считать за честь, а вместе с тем и великим наслаждением, сделать это для Вас, потому как прекрасно понимаю и полностью разделяю Ваши устремления. Смена событий не всегда бывает управляемой, а еще реже справедливой по отношению к тем, кто менее всего заслуживает этого. Мои намерения устроить ситуацию так, как этого требует объективность. Считаю теперь это своей главной обязанностью, задачей и целью. С Божьей помощью и Вашим благословением начинаю действовать. Миссия – прежде всего.”

Я поставил точку.

Утро следующего дня выдалось безупречным. Я поднялся свежим, наполненным сил и целеустремленным. Я действительно видел цель. Даже знал ее имя. Тщательно выбрившись, я намерился ехать в город. Однако, когда спустился в гостиную и уже собирался выйти в дверь, моя поднятая правая нога зависла в воздухе, так и не опустившись на пол. Возле самого порога я увидел то, что заставило меня остановиться.

“Доброе утро. Вы слишком торопитесь. Не следует опережать событий.” – Буквы были неопределенно бледного цвета, и на первый взгляд даже трудно было определить чем сделана надпись. Хотя не это было главным. Все же насколько изысканны ее вкусы и утонченна эстетическая природа. Это так волнует.. – “Хочу добавить кое-что. Все произойдет в свое время, а главное четко и безошибочно, поэтому не стоит прибегать к решительным действиям. Дождитесь, по крайней мере, утренней почты.”

Поразмыслив, я подошел к портрету. Она как и прежде смотрела умиротворенно и нежно, улыбка

не приобрела дополнительных оттенков, оставаясь на том же эмоциональном уровне.

Видимо, это и было молчаливым подтверждением предложенного надписью на полу. Я опустился в кресло и, разглядывая ее лицо, стал чувствовать как снова начинаю проваливаться в приятную дрему, глубокую, как и ее взгляд. Но не успел я погрузиться в мир снов, как меня обеспокоил дверной звонок.

Когда я открыл дверь, то увидел уже знакомую мне почтальоншу с велосипедом и кожанной сумкой за спиной. Щурясь от солнца, она рассматривала меня.

- Вы сегодня хорошо выглядите. Вам идет свежесбритость. Не всем нравятся небритые мужчины. Я как раз принадлежу к этому числу женщин. Ваше сегодняшнее лицо еще раз убеждает меня в верности выбранных вкусовых ориентиров. – Она улыбнулась и это выглядело, как кокетство. – Возьмите... - она протянула мне газеты. Я молча принял их, между тем, вовсе не разделив ее неожиданного флирта. Меня заботило другое. Теперь, как никогда прежде, меня интересовала, собственно пресса, эти огромные листы малокачественной бумаги сверху донизу усеянные мелкими буквами. Где-то здесь среди их бесполезного разнообразия должна была скрываться информация, непосредственно касавшаяся миссии.

Впервые в жизни я перечитал весь этот бездарный словесный хлам от первого до последнего знака, пропустив сквозь мозг громадную кучу лексического мусора, разочаровываясь и нервничая, раздражаясь и негодуя, но ни информации ни малейших намеков для построения логических связей или же каких-либо аналитических выводов я не нашел. Я взглянул на портрет и мне показалось..., на меня смотрели с разочарованием. Этого я допустить не мог. Я еще раз перечитал газеты, от политинформаций на первой странице до некрологов и соболезнований родным усопших, и вдруг заметил маленькую заметку. Было даже странным, как я мог пропустить ее.

“7 ноября, около пятнадцати часов, при невыясненных обстоятельствах исчезла ученица средней школы №1, семилетняя Оля Булат. В последний раз девочку видели во дворе школы. Со времени исчезновения прошли сутки. Объявлен розыск. Просьба ко всем, кто владеет информацией касающейся дела, или может помочь розыску, звонить по телефону...”

Дальше шли цифры номера и фотография исчезнувшей девочки.

Я смотрел на фотографию, осознавая, что уже никогда не забуду это лицо. Я отложил газету. Что-то не совсем обычное было в этом номере. Что именно я пока не мог разобрать. Однако, продолжал чувствовать это и именно это необыкновенно возбуждало меня. Я снова взял газету и перелестнул страницу, найдя место, где шлось о погоде.

“Небывалой величины град выпал в ночь на 7 ноября. Куски льда достигали размеров...”

Дальше я не стал читать, а перевернул газету титульной страницей. Номер датировался восьмым ноября. Однако, я точно знал, что сегодня всего лишь шестое. Станный приятный трепет во всем теле ощутил я и поднял глаза. Ее лицо мило улыбалось мне. Как бы мне хотелось теперь поцеловать его.

- Понимаю... О, как я понимаю... - сказал я вслух, поднимаясь из кресла.

Душно было сегодня. Это ощущалось с самого утра. Я выглянул в окно. Небо затянулось, а с запада насовывалась огромная темная стена. В комнатах дома стало уныло. Я шел к двери подвала, ни на мгновение не задумываясь, откуда мне было известно о ее существовании, я говорю о двери, да, собственно, и о самом подвале. Не в этом дело. Я шел, чтобы взять веревку, которая лежала на запыленном столе. Да и сама она была такая же в пыли и окутана паутиной. Мне так же почему-то не приходило в голову: откуда я мог знать о ней. Продолжаю говорить о веревке. Вполне понятно, что я думал не об этом. Мысли мои были заняты другим, более значительным. Главное, она теперь на месте... Вот и все... Больше ничего... Больше ничего...

Возвращаясь обратно, и уже закрывая дверь, перед самым лицом я увидел надпись.

АВТОМОБИЛЬ БУДЕТ ЖДАТЬ ВАС НА ПЕРРОНЕ.
УСПЕХА...

Необычный прилив бодрости и уверенности в собственных силах ощутил я. Подыскивая что-нибудь подходящее для написания ответа, я взглянул на связку ключей, которые держал в руке и вдруг заметил ключ, которого еще вчера не было. Он не был похож на все остальные, не похож своей элегантностью, на нем я прочел название фирмы “VOLVO”.

“Виновные будут наказаны...- немного торопясь, процарапал я деревянную поверхность двери.

Затем, помедлив, добавил, - Сурово и беспощадно...”

- Сурово и беспощадно... - повторял я, - Сурово и беспощадно...

Сегодня я лег пораньше, чтобы лучше выспаться, иметь светлую голову и отдохнувшие мышцы. Завтра предстоял ответственный день.

А ночью меня разбудил звонкий стук за окном, так, словно бы в один момент тысячи рук с тысячами молотками затеяли ремонт железной крыши.

Уже утром, когда я выглянул в окно, увидел дорожку, усеянную прозрачными ледяными шариками. Такие же большие градины блестели в мокрой траве. Их хрустальная россыпь укрыла все вокруг. Я съезился от холода. Когда-то, очень давно, в детстве, я уже видел похожее зрелище. Так же в траве лежали холодные ледяные шарики и еще огромный белый селезень. Он лежал, раскинув крылья, тяжелая градина угодила ему в голову и почти ничего не оставила от нее, вместо этого, образовав большую воронку, трава вокруг окрасилась в темно-бордовое. Тогда град наделал много бед. В нашем доме говорили, что в тот же день убило женщину-почтальоншу. Кусок льда упал ей на голову, тоже сделав воронку, как у селезня. Помню, я очень живо представил себе ее... Говорю о воронке в голове почтальонши... Я так же представил женщину, лежащую на дороге, а рядом с ней огромную кожаную сумку, наполненную письмами и газетами. До сих пор помню ее глаза... Лицо, которое представил себе тогда... Кажется, оно было похоже на лицо теперешней моей знакомой почтальонши. У меня хорошая зрительная память, стоит мне увидеть один раз - я уже не забуду, так же как и лицо девочки... Ну, этой, Оли Булат... Теперь, если бы даже я хотел забыть его, ничего не выйдет. Иногда такое обстоятельство становится полезным. Девочки с лицами как у нее, бывают достаточно находчивыми, осторожными и рассудительными и ей вряд ли бы приглянулся небритый мужчина, так же как этой почтальонше. Я рассмеялся...

Прошло еще несколько часов, прежде чем я безупречно выбрит и уверен в себе, следил как за окном электрички проносились еще зеленые и уже пожелтевшие деревья с потрепанной градом листвой. Разного возраста деревья напоминали мне разного возраста женщин в золотистых испорченных дождем платьях, большие – взрослых, а те что поменьше - совсем юных девочек. Разорванная одежда делала их довольно эротичными. Я улыбнулся. Следует быть осторожным, никогда не знаешь, когда и откуда приходит несчастье...

Подъезжая к конечной остановке, еще с окна я увидел темно-серый “Volvo”. Когда же подошел к автомобилю, почувствовал как от его капота шло тепло, двигатель был еще горячим. Я открыл дверцу.

Автомобиль слушался безупречно, не то, что мой старый “Wolgsvagen”. Я ехал улицами города, умышленно проделывая путь. К двум часам оставалось достаточно времени и я решил немного прокатиться. Проезжая возле большого стеклянного магазина, я увидел в витрине куклу. Казалось, мой автомобиль остановился, сам по себе. “Безупречные тормоза...” – подумал я. Кто-то сигнализировал мне сзади, затем, объезжая, кричал какие-то слова, выражая негодование, однако теперь мне было не до этого. На кукле было белоснежное платье с немыслимым количеством рюшей и кружев. Она сидела в кресле с иззолоченными поручнями и смотрела на мой автомобиль, голубые глаза ее были широко открыты. Не знаю,- почему я остановился. Может ее лицо напомнило мне кого-то. Прежде мне никогда не приходилось видеть такого взгляда у кукол, вернее, у них его никогда не было; глаза были, однако взгляд отсутствовал, как у мертвых, когда им еще не успели закрыть веки, ну как у того старика - лакея в кресле, потом куда-то подевавшегося...Зачем я вспомнил его теперь? Я тут же перестал думать о нем. Выйдя из автомобиля, я направился к ветринному стеклу. Ее голубые глаза и вправду были наполнены живым блеском, а во взгляде, казалось, присутствовало сознание. В какой-то момент мне даже стало не по себе. Дело в том, что взгляд этот был продолжительней, чем я когда-либо видел. Она не отводила глаз.

Вскоре я выходил из магазина, держа в руках огромную коробку. В ней была она -кукла. Возле автомобиля я остановился, затем открыл коробку и взял куклу на руки. Сажая ее на заднее сиденье, я коснулся ее талии и вдруг услышал чей-то тихий смех. Невольно я оглянулся. Вокруг никого не было. Я посмотрел на куклу, потом попробовал нажать на ее живот и снова услышал теперь уже звонкий детский смех. Чего только не напридумают теперь с этими игрушками. Я поправил ей волосы и закрыл дверцу.

Мы ехали городом. Говорю мы, потому что заглядывая в зеркало, я ловил на себе ее проникновенный взгляд. “Она непременно понравится ей. Она не может не понравиться.” – восторженно думал я.

Чуть позже показался дом мери, а рядом с ним - похожий, как две капли воды, на автомобиль, в

котором я ехал, темно-серый “Volvo”. В машине никого не было. Я посмотрел на часы, затем, поравнявшись с автомобилем - близнецом, остановился, открыл “бардачок” и взял заточенный остроконечный нож. У меня не было ни времени, ни необходимости думать о том, как он там оказался, так же как и о его наличии вообще. Я действовал собранно и целеустремленно, чувствуя решительную уверенность. В меня словно вселился несокрушимый дух и я знал его происхождение. Переполняясь гордостью и безграничной радостью причастности к осуществлению миссии, за считанные секунды, я отъезжал от автомобиля-близнеца, который оседал к земле, выпуская из шин воздух. Я снова взглянул на часы, в моем распоряжении оставалось семнадцать минут. Еще через десять я остановился возле ворот школы №1, опять же, сделав это быстро, четко и уверенно, а главное - вовремя, как примерный ученик. Если бы мне не доставало такта или деликатности, я мог бы сказать, что одарен разного рода способностями и мне достаточно легко давались практически любые сферы деятельности. Творческой личности, (продолжаю говорить о себе), присуще разнообразие так сказать многоплановых талантов. У меня их было предостаточно, не стану скрывать. Скажем, из меня бы получился незаурядный актер глубокого драматического плана, я так же смог бы выстраивать сценические конструкции и режиссура по остроте призвания, могла бы стать моим вторым увлечением... Семь минут, казалось, длились очень долго, я успел вспомнить множество вещей из своего детства, не связанных между собой событий. Я почему-то вспомнил теперь интернатского сторожа, который топил в речке слепых котят. Он делал это каждой весной, из года в год. На территории интерната обитало несколько кошек, мы подкармливали их, экономя порции молока. Всякий раз мы просили сторожа, чтобы он не топил маленьких. Но он не слушал нас и продолжал делать это. В тот раз мы не просили его ни о чем. Мы просто пошли за ним следом к реке, и когда старик вышел на кладку с ведром, в котором пищали котята, мы с разгона толкнули его в спину. Его тело упало в воду, так если бы это был мешок набитый камнями, с головой, в шапке, в толстых ватных шароварах. Намокшая одежда тянула его на дно. Старик цеплялся руками за мокрую кладку, но мы неистово били по его пальцам ногами, били до тех пор, пока отяжелевшая мокрая одежда не одолела старика и холодная река не проглотила его.

Я ощутил резкий прилив крови. Что-то стисло голову и зазвенело в ушах. Школьный звонок прервал мои воспоминания. Скоро из дверей школы посыпалась детвора. Я смотрел на мелькание лиц, пытаясь не пропустить то, которое видел в газете. Вдруг из толпы выбежала девочка в белом платье и, подбежав к моему автомобилю, уверенно открыла заднюю дверцу.

Боже! – воскликнула она, увидев куклу, – А где дядя Володя? – бросила девочка мимолетом и снова вернулась к кукле, глядя ей волосы. – Боже! – повторила она.

Дядя Володя заболел. Папа попросил меня...

А что она умеет делать? – прервала меня девочка.

Она умеет смеяться... - я включил скорость, автомобиль двинулся, - нужно нажать у нее на животе.

Девочка стала искать место на животе куклы, так смешившее ее. Вскоре ей это удалось. Я услышал тихий смех куклы, а за ним еще один - звонкий и веселый. Девочка нажала снова, и снова они обе смеялись. Я тоже не удержался.

У нее платье, как у меня! – с восторгом воскликнула девочка, нажимая на живот куклы, и мы снова все вместе смеялись.

Автомобиль уже давно ехал загородной дорогой, а мы все смеялись. И снова наш смех заставил вспоминать что-то далекое, давно забытое. Я взял себя в руки и окончательно успокоился, лишь когда увидел фасад дома. Я вдруг обрел реальность и стал оценивать ситуацию.

Куда мы приехали? – послышался звонкий детский голос.

Сказочный дом, не правда ли? – сказал я. – Дом неразгаданных тайн и приятных сюрпризов, в котором живет добрая фея, и прекрасней ее нет на всем белом свете... На всем белом свете... Я познакомлю тебя...

Когда ты хочешь обмануть - говори правду. Я усвоил это еще со времен семейной жизни. Это выглядело столь естественно, что я почувствовал недюженный потенциал и продолжал реализовывать его, не жалея красноречия, пока очарованная моим обхождением школьница не прошла в открытую дверь. Я усадил ее в кресло возле камина и сообщил, чтобы она приготовилась к сюрПРИЗУ. К ВАЖНЕЙШЕМУ СОБЫТИЮ ДНЯ. КАЖДОМУ РЕБЕНКУ НЕОБХОДИМЫ ЯРКИЕ ДНИ, ЭТО СОГРЕВАЕТ ИМ ДУШУ, ОСТАВЛЯЯ СВЕТЛУЮ ПАМЯТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ. В МОЕМ ДЕТСТВЕ ТАКИХ СОБЫТИЙ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ БЫЛО. ПУСТЬ ДИТЯ ТЕШИТСЯ ВВОЛЮ, ПОТОМУ ЧТО ИНТУИЦИЯ ПОДСКАЗЫВАЛА МНЕ – ЯРКИМ СОБЫТИЯМ ЕЕ ЖИЗНИ ПРИШЕЛ КОНЕЦ.

Я поставил точку и отошел от стены, оценивая размещение строк, каллиграфичность записи. Я даже не заметил, когда начал писать, кажется только думал обо всем этом и намерений записывать

мысли на стене у меня не было. Странно. У меня появилась какая-то филия. Как бы ее назвать... Стенографо... нет, это уже где-то было... Собственно, дело в другом, поэтому все второстепенные размышления излишни.... Отдохнуть бы теперь...

Я шел к подвалу, чтобы проверить замок. Он был на месте. Я прислушался. За дверью было тихо. Она больше не плакала, эта смышленная девочка. Вероятно уснула. Я открыл замок и вошел.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, мне так же было плохо, и я решил не жить. Но потом ко мне зашла директрисса и подарила мне замшевые ботинки. Раз в году в интернат привозили вещи из "Second hand". Хорошие вещи. Богатые не ценят свою одежду и расстаются с ней легко и просто. Тогда в новых ботинках мне не хотелось умирать, чтобы они никому не достались и я решил жить... Тебе не стоит сетовать на судьбу. У тебя есть мама, папа. Совсем скоро они будут здесь. Совсем скоро...

Я продолжал говорить с девочкой, пока она не уснула. Они сидели на диване рядышком, обе в белых платьях. Я бережно уложил девочку на подушку. Куклу положил рядом, и она закрыла глаза.

На утро я получил свежую почту. Признаюсь, я стал настоящим газетоманом, я ждал их с нетерпением, даже стал испытывать особенное наслаждение от запаха свежей типографской краски и шелеста этой дешевой бумаги.

Почтальонша сегодня была особенно собранной. Она проронила совсем мало слов, которые не несли ничего конкретно и как-то робко попрощалась, словно провинившаяся.

Секунду... А вы разве... - спросил я, осматривая ее голову и не находя даже ссадины или отека.

Ну и ночка была вчера, - сказала она, - у вас ничего не повредило? У соседей крышу побило, словно пулями. Представляете, куры у них во дворе ночуют, на деревьях, так почти всех побило.

А селезень? - возбужденно спросил я.

Селезень? - Не разобрала почтальонша. - Какой селезень?

Я смотрел на ее лицо. Потом снова осмотрел голову и почему-то сказал:

Будьте осторожны. Профессия почтальона лишь на первый взгляд кажется беспечной, на самом же деле она и есть самой незащищенной, а последствия непредсказуемы. Прошу вас: берегите себя. Буду ждать вас, здоровую и невредимую.

Почтальонша посмотрела на меня немного удивленно, явно не находя продолжения разговора. Воспользовавшись ее замешательством, я пожелал ей счастливого дня и попрощался.

Когда она отъехала, я вспомнил об автомобиле. Его не было. При этом я не почувствовал ни капли волнения или удивления. Я научился отличать главное от второстепенного. Закрыв за собой дверь, тут же занялся газетами. Очень скоро я нашел такой же номер, какой уже читал прежде. Информация слово в слово дублировала номер "наперед", так я стал называть газеты, приходившие за несколько дней до выхода настоящего номера, то есть актуального реальной действительности. Я сказал "газеты", потому что сегодня снова обнаружил такой же экземпляр "наперед". Не стану скрывать, я ждал его, ибо таким образом получал возможность узнавать о событиях, которые произойдут через несколько дней... В глубине души я догадывался кто и с какой целью создает для меня эти необычные, я бы сказал уникальные, привилегированные возможности, и в связи с этим осознавал свое особенное предназначение. Таким образом, я, сам как бы, жил наперед. Скоро в этом же номере я нашел необходимую для себя информацию. Меня увлекала почти математическая последовательность событий. Никогда прежде я не испытывал такого всепоглощающего азарта.

"Как уже сообщалось, - писала газета, - в день на 7 ноября пропала дочь мэра Александра Булата. К этому времени девочка не найдена. Между тем, сегодня стали известны новые факты, связанные с этим происшествием. Александр Булат получил беспрецедентное по своей наглости и циничности письмо. Обращение преступника (преступников) не содержало никаких требований. Однако в конверте находился более, чем устрашающий аргумент - мизинец руки, по всему принадлежавший дочери мера. Текст письма изобилует особенными подробностями исполнения истязаний и впечатлениями преступника (преступников) от нанесенных им (ими) увечий, носящих явный характер садизма. Примечательно то, что преступник (преступники) не высказывают никаких требований, просто констатируя факт истязательств. Такие их действия склоняют к мысли, что следствие столкнулось с нездоровым психическим проявлением."

Последняя фраза меня по настоящему развеселила и потешила. Вот они уже считают меня сумасшедшим. Стоит сделать что-нибудь не совсем тривиальное и ты уже псих. Подумав так, я поймал себя на мысли, что более не допускал иного исполнителя, как, собственно, себя. Газеты писали обо мне, я становился знаменитым, моя популярность росла и сулила многообещающее будущее. Кто бы мог подумать? Представляю физиономию моей бывшей супруги. Она даже не подозревала с какой неординарной личностью прожила почти пять лет. Ей доставало соответственной интеллектуальной и духовной организации, чтобы понять и оценить меня. Бог ей

судья. Однако, оставим мелочи. Богу – Боже... Мне следует еще многое сделать. Эти процедуры со школьницей, письмо мэру, все должно быть четко сформулировано и оформлено, серьезные дела не терпят расхлябанности и неопрятности, и я буду опрятен. Жгут, бинт, йод... Я тщательно дезинфицировал лезвие топора над газовой горелкой, вытер девочке ручку спиртом и как мог успокаивал малышку. Впрочем, она плохо понимала меня, плакала и упиралась, словом, неразумное дитя своего отца. Мне довелось сделать это в подвале на столе, на том самом, где лежала веревка. Не хотелось, чтобы какой-нибудь случайный прохожий услышал ее крик. Подвал же исключал такую возможность. Глухие каменные стены надежно хранили тайну, не пропуская малейших звуков, и всякие звуковые колебания подвального воздуха были доступны лишь моим слуховым рецепторам. Я как мог объяснял ей, что не все так уж страшно и не так уж больно, но она не верила мне. Тогда мне пришлось доказать ей это на собственном примере. Я показал ей...

Смотри, детка, это совсем не страшно, - сказал я, И МОЙ МИЗИНЕЦ ОТЛЕТЕЛ ОТ КИСТИ ЛЕВОЙ РУКИ. Я ТОЛЬКО УСЛЫШАЛ НОВУЮ ГОРЯЧУЮ ВСПЫШКУ В МОЗГУ. СКОРО ДЕВОЧКА ПЕРЕСТАЛА КРИЧАТЬ И ЛИШЬ ТИХО ВСХЛИПЫВАЛА...

Я поставил точку и с удивлением увидел, что все это снова написал на стене возле портрета. Моя рука была забинтована и на белой повязке выступила кровь. Надпись была красного цвета. Затем я заметил в своей правой руке то, чем это сделал и почувствовал себя немного не в своей тарелке. Однако, мне следует отправить письмо. Отойдя от стены, я машинально бросил взгляд на портрет, пряча свою левую руку за спиной. Девочку не было слышно, даже забылось о ней на какое-то время. Вложив в конверт письмо, я добавил туда то, что должно было сопровождать его. Нужно успеть сделать все еще сегодня.

Какое-то время я отсутствовал. Оно понадобилось мне для отправки письма.

Когда я вернулся, солнце уже клонилось к лесу. В такое время дом приобретал необычное освещение. Косые лучи подсвечивали его архитектурные детали и он становился особенно изысканным. Он очень нравился мне таким, я чувствовал странную общность между нами и это было удивительно. То, что он выглядел именно таким и то, что я поселился в нем, еще раз подтверждало совершенство этой гармонии.

В камине догорал последний номер газеты “наперед”. Я знал, что для всех остальных, актуальностью он наполнится лишь со временем, все это станет достоянием общественности только 10-го ноября.

Сон навалился незаметно, увлекая меня в свой дивный мир легких прозрачных образов, неповторимых оттенков, неведомых ощущений. Я знал, что когда проснусь, непременно увижу ответ. Это будет ее рука. Как бы хотелось прижаться к ней лицом...

Я проснулся на седьмом ударе часов, они пробили еще четыре раза и за тихли.

Надо бы отнести ей чегонибудь... Апельсин... Отнесу ей телевизор, пусть ей не будет скучно. Маленькие любят телевизор. Мне же он ни к чему. Я давно отказался от его услуг, большинство каналов меня серьезно раздражали. Лишь иногда я по-настоящему переживал и плакал. Причиной были старые детские мультики, добрые и искренние. Их авторы пытались размышлять на темы морали, вечных ценностях, духовности, различать добро и зло. Следует отдать должное - они были настоящими профессионалами. На самом же деле, не все так просто как кажется, и я теперь также был на пути к ответу на этот вопрос, другое дело, какими методами мне приходится это делать: и авторы подобных мультфильмов изобразили бы меня настоящим монстром. Однако, это только на первый взгляд. Я уже упоминал, что научился отличать главное от второстепенного. А главным было то, что я шел к разгадке тайны убийства и был готов пройти этот путь до конца, каким бы сложным физически и эмоционально он не был. Все не важно, все тускнеет и гаснет перед ее светлым образом. Она – главное, все остальное тлен. И снова я ощутил горячую вспышку в мозгу, даже увидел ее, эту горячую красную ВСПЫШКУ. Затем, на какое-то время, наступила полная темнота, и тут же в темноте озарилось ее лицо.

Мы давно не общались... – услышал я тихий ласковый голос, хотя губы ее оставались неподвижны, - Сегодня вы сделали непростой шаг, но этот шаг приближает нашу встречу. Ни к этому ли стремитесь ваше сердце?

Да... – ответил я, задыхаясь. Мне словно бы сдавило грудь. Горячий жар еще оставался в ушах, но тьма развеялась и я понял, что стою напротив портрета. Я стоял на коленях. Передо мной на полу была надпись:

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ...

Кто-то звонил в дверь. Я слышал это, но не мог подняться.

Лишь со временем отворил их. На пороге лежали газеты. Вдалеке уменьшался, терялся в дымке, женский велосипед, уносивший от меня почтальоншу. Собрав газеты, я вернулся в дом. Теперь я знал, что более всего меня интересует в принесенной почте, поэтому все номера газет датированные сегодняшним девятым числом, отбросил, оставив один. Это был номер за 12 –е ноября. Я с головой погрузился в его информацию. Прочитав заглавия и, пробежав по тексту, я остановился на коротеньком уведомлении в две строки: “Неподалеку от городского водохранилища найден неопознанный изуродованный женский труп. Начато следствие.”

Вот... - прошептал я.

Да... - пронизало воздух комнат, заставив меня вздрогнуть. Впрочем, не от неожиданности, а скорее от неожиданного наслаждения.

Вскочив на ноги, я попытался сориентироваться откуда донеслось слово. Кажется, что-то мелькнуло на втором этаже. Затем я ясно услышал как закрылась дверь в мою комнату... Мою комнату... Ее комнату... Как это неразделимо... Я рванул с места и через мгновение был у двери. Я отворил ее. Женский силуэт отдалялся в глубину зала. Это ее темнобирюзовое платье... Поначалу я не сообразил откуда в комнате появилась дверь в зал, да и, собственно, сам зал, потом я понял, что все это вижу лишь в зеркале. То есть, это было отражение того, что по всем законам физики, особенностям преломления света должно было происходить за моей спиной. Я оглянулся, однако, увидел привычную картину – проем двери и перила лестницы. Никакого зала не было. Получалось так, что в зеркале было не отражение, а реально существующая независимая перспектива пространства незнакомого мне помещения и в этой перспективе удалялась она. Я сорвался с места, я не мог допустить чтобы она исчезла...

Мне было трудно открыть глаза. Каснувшись рукой век, я ощутил на пальцах вязкую липкую массу, затем потер глаза ладонью, и мои ресницы оторвались друг от друга. В комнате было темно. Я лежал на полу. Болела голова. Вернее жгло на лбу.

Немного погодя, я поднялся и включил свет. Рядом лежали осколки разбитого стекла. Что со мной произошло? Подняв самый большой осколок, я заглянул в него. Сначала мне показалось, что вижу в нем большую просторную комнату в красных полосках. Потом комната исчезла, остались только красные полосы, они были на моем лице, рука моя также была окровавленной.

СЕГОДНЯ 9-ТОЕ НОЯБРЯ, ЗАЧЕМ ВЫ УШЛИ? Я ТЕРЯЮ ТЕРПЕНИЕ И КОНТРОЛЬ НАД СОБОЙ, Я СТРЕМЛЮСЬ БЫТЬ РЯДОМ. ВАЖНЕЕ ДЛЯ МЕНЯ НЕТ. СЕГОДНЯ Я ИДУ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ. Я ЧУВСТВУЮ, КАК С ПРИБЛИЖЕНИЕМ ЗАВЕРШЕНИЯ МИССИИ, МЫ СТАНОВИМСЯ БЛИЖЕ. Я ОЩУЩАЮ КОЛОССАЛЬНУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ СИЛУ И НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ПОТЕНЦИАЛ, Я ФОРМИРУЮСЬ В СВЕРХ, ЛИЧНОСТЬ МОЯ ГАРМОНИЧНО ВОЗРОСТАЕТ, СТРЕМЛЕНИЕ АБСОЛЮТА СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ МОЩНЫМ.

Я ИДУ...

Отойдя от стены, я рассмотрел надпись и нашел, что эстетика размещения графических знаков стала изысканней, теперь она мало чем уступала совершенству фломандских гобелленов, или утонченности росписей итальянских храмов. И все же теперь не об этом. Что-то более фундаментальное поселилось в мои планы. “Найден женский труп...” Так вот! Руководствуясь последовательностью событий, принимаю решение - мне необходим номер за 8 ноября.

“Исчезла школьница Оля Булат... Объявлен... Просьба звонить...” Дальше шли цифры нескольких телефонов. Я проверил их по справочнику. Один из них оказался домашним телефоном Булата. Как все просто. Полагаю, с сегодняшнего дня эти цифры для кого-то станут фатальными. Я улыбнулся от удовольствия и нового прилива сил. Не теряя времени, снял трубку и набрал номер. Вскоре послышался женский голос.

Добрый день... - поздоровался я, - беспокою вас по поводу газетного объявления. Имею ввиду пропавшую девочку...

Что с ней? Кто вы? – снова послышался взволнованный женский голос. – С кем я говорю? – Затем я услышал, как она всхлипнула. – Я ее мама. Вы нашли ее? Где вы?

Не волнуйтесь... Ваша девочка в безопасности... Мы с женой нашли ее возле нашего дома.

Что с ней? Она возле вас? Дайте ей трубку.

Она теперь спит и вы сможете услышать разве что ее сонное сопение. Выслушайте меня спокойно, я расскажу, как лучше добраться к нам, и вы сами увидите ее, то есть, я хотел сказать, вы сможете забрать ее. Лучше всего добираться электричкой, ехать автомобилем очень сложно, дорогу через лес совсем развезло, разве что трактором, знаете...

Говорите же! Какая электричка?

Вы продолжаете волноваться. А волнения теперь все позади, теперь все хорошо. Ваша девочка с вами, Будет с вами...

Я прошу вас, скажите как ехать.

Вы успеете, у вас еще есть время, не нужно так торопиться, до отправления электрички целых двадцать минут, - я взглянул на часы, - если вы возьмете такси, через пятнадцать вы будете на вокзале...

Господи, умоляю вас... - послышалось в трубке.

Станция отправления – пригородный вокзал, третий перрон, семнадцать тридцать. – четко сказал я, - через тридцать минут вы будете на месте, остановка Полустанок Остров... Буду ждать вас...

Как я узнаю...

Далее я не слышал ее, потому что положил трубку.

Она едет ко мне сама без принуждения. Что значит природа матери. Я сделал верный ход с девочкой. Я? Я посмотрел на портрет. В ее глазах была чуть заметная ласковая улыбка. В моей груди расплывалось тепло, поднимаясь к лицу, наполняя собой голову. Я закрыл глаза.

Свежий, уже достаточно прохладный ветер срывал с деревьев листья и кружил ними в воздухе. Я вышел из лесопосадки, перешел деревянный мостик, поднялся на железнодорожную насыпь. Косые солнечные лучи сверкали белыми бликами на отполированных до глянца рельсах, терявшихся где-то вдаль, куда скатывалось и само солнце. Еще через какое-то время я был на перроне.

Вскоре послышался гудок электрички. Когда вагоны остановились и из них вышло несколько пассажиров, я стоял за углом кирпичной стены полустанка и следил за ними. Вернее, не за ними, потому что, собственно, они мне были безразличны. Она вышла первой. Ее нельзя было не узнать. Растерянный взгляд, смешение чувств, неопределенность надежд, сомнение и огромное стремление выделяло ее среди остальных. Это белое платье... Снова белый цвет... Они так любят его... Скорее это плюс, чем минус... Это всегда безошибочно... Она была одна. Еще какое-то время я наблюдал за ней, не обнаруживая себя, пока перрон совсем не опустел. Хвост электрички скрылся за лесом. Солнце скатилось за верхушки деревьев. Я подошел к ней.

Это вы?- спросила она, - Вы звонили мне. Я хочу знать где моя дочь. Если вы не скажите мне где она, вы будете иметь дело с полицией. Я подниму на ноги... Я...

Она вдруг запнулась. Я спокойно рассматривал ее лицо.

Вы слышите меня? – спросила она.

Я продолжал рассматривать ее черты, словно хотел запомнить их навсегда именно такими.

Извините. Я волнуюсь... Я не знаю... Где моя дочь? Ведь это вы звонили мне?

Она спит... Я полагаю... Во всяком случае, когда я выходил из дома, было так... - сказал я.

Спит? Почему?- растерянно спросила она

Ну, не знаю, наверное ей так хочется.

Какое-то время мы молчали.

Но я хочу видеть ее... Немедленно...

Естественно...Для этого вы здесь... Идемте...

Нам нужно идти?

Необходимо. Это недалеко. За лесом пустырь, там дом.

Дом?

Совершенно верно, она там, в доме. Она спит. Я говорил вам.

Женщина смотрела на меня не совсем уверенно и мне показалось - в ее глазах появилось недоверие. Между тем стремление увидеть дочь все же преобладало над сомнениями и подозрениями. Я двинулся вниз к реке, она последовала за мной.

Перебравшись на другую сторону, мы углубились в лес. Мы шли протоптаной тропой. Я впереди, она - за мной. Я не оглядывался и ничего не говорил, однако чувствовал, как неуверенно она идет, оглядывается вокруг. Деревья создавали сплошную тень, солнце давно закатилось за лес и мы продвигались в густых сумерках.

- Еще далеко? – послышался ее голос позади. Он был явно встревожен.

У вас очень хорошая девочка... Умница... - сказал я, чтобы как-то успокоить ее,- Это вы покупали ей

такое милое платье?

Нет, это муж, он покупает ей вещи.

А куклы?

Какие куклы? Ну, вообще, игрушки, ведь она любит их?

Любит... Да... Я тоже покупаю, иногда... И муж...

Замечательно... Просто замечательно... Вы прекрасные родители...

Мы шли пустырем, и чем ближе подходили к дому, тем у меня решительней становился шаг и она едва поспевала за мной. Слышно было, как ей приходилось делать пробежки, чтобы не отстать потом слышал ее учащенное дыхание. Неожиданно я остановился и она чуть было не наскочила на меня. Я снова посмотрел ей в лицо. Потом сказал:

- Вон там, видите... Тот самый дом... В нем ваша дочь... Думаю, она еще спит...

Женщина смотрела на меня и в глазах ее появилось еще больше неуверенности и растерянности, казалось, теперь ее стремление увидеть дочь и убежденность в том, что ей это удастся сделать, становились еще более призрачными. И все же она продолжала идти, словно по инерции. Чтобы поддержать ее шаткие надежды, я произнес еще какие-то слова, касавшиеся ее дочери. Напомнил, что она не голодна, и у нее достаточно фруктов. Наверное, все это прозвучало не слишком убедительно, хотя и заставило женщину идти активнее.

Вскоре мы стояли у дверей дома. Я долго и последовательно открывал замок за замком, снова ощущая на себе взгляд непонимания и неопределенности. Это немного смущало и вместе с тем забавляло меня, похоже, я даже улыбнулся.

Что с вами? – спросила она.

Эти замки... В самом деле, странно... Полная чушь... - ответил я,

наконец-

то открывая дверь.

- Прошу вас... Проходите, я сейчас...

Зачем вы закрываете? – услышал я и понял, что с той же скрупулезностью и последовательностью закрываю замки.

Традиции дома... - зачем-то сказал я, - в доме ни на одной двери вы не найдете ни одного замка, лишь только на входной, только на входной...

Зачем вы говорите мне это? Где моя дочь? Я пришла сюда...

Да-да... Я знаю. Я сам привел вас сюда. Нет сомнений. Нет сомнений. Может быть вы встретитесь...

Что значит, может быть? Где моя дочь? Кто вы такой?

Я?

Я вдруг попытался проанализировать ее вопрос основательно, вернее задать его себе в полной мере и в такой же мере ответить на него, и вдруг понял, что испытываю некоторые трудности. Четкого определения на данный момент у меня не было. А было бы любопытно... Хотя бы для себя... Хорошо бы, как-нибудь по свободе, поразмышлять над этим...

Почему вы опять молчите? Я хочу знать где моя дочь! Если вы знаете... Если нет... Я требую, чтобы вы немедленно выпустили меня отсюда. Откройте дверь!

Вы хотите уйти? Бросить все, не увидев дочери?

Вы что позвали меня, чтобы поиздеваться? Почему вы снова молчите?

Я смотрел на портрет.

Поиздеваться... - повторил я, - В свое время кто-то слишком поиздевался над ней...

Я не понимаю о чем вы говорите.

Ее взгляд блуждал по стенам дома, улавливая отдельные отрывки надписей.

- Жаль... Как жаль... - произнес я, - лично мне хотелось, чтобы вы поняли это еще при жизни... Странный дом, не так ли? В нем достаточно много таких же странных вещей, событий. Вы только послушайте, что выдает этот граммофон. – Я поставил на пластинку иглу и освободил пружину. – А эта почтальонша... - продолжал я, - Сначала в нее попадает градина, делает в голове воронку, а затем она, простите, является невредимой. А какие странные газеты приносит она. Из них можно узнать о том, что произойдет через несколько дней. Представляете? Именно так я узнал о вашей смерти, простите, о вашей дочери... Еще раз прошу прощения, в этом месте иголка заедает... – Я подошел к граммофону, "...убил, убил, убил..." - повторял он. Я помог игле и текст продолжился. – Сегодня же, - вел я дальше, - прочел вот что: "На берегу водоканала найден неопознанный труп женщины..." Но взгляните при этом на число. Видите? Из газет об этом станет известно лишь через два дня, 12-го, имею в виду обычные газеты, ведь эта газета необычная. Теперь вы понимаете, что сегодня об этом знаю только я, даже сама жертва ни о чем не догадывается... - Я сделал паузу и, посмотрев на женщину, улыбнулся, почти так же, как это делал тот старый лакей, может, я становлюсь похожим на него... Впрочем, сейчас не об этом. – Особенность газетных информаций, - продолжил я, - состоит в

том, что я, отметьте, именно я, роковым образом причастен к каждому из них. Понимаете? Я исполнитель. Непосредственный. Хочешь, не хочешь, это случится... Потому что я осуществляю миссию, а вы жена Булата... Ну вот, слышите? – Граммофонная игла встретила на своем пути следующую преграду и медная труба теперь беспрестанно твердила фамилию мэра. - Не хочу, чтобы вы думали, словно бы это мой личный каприз. Все объективно проанализировано и обдуманно... Господи... Вы больны... Как я не догадалась сразу... - проговорила она.

Я рассмеялся.

Вот и вы туда же... Так дайте мне лекарство. Если вам не по душе моя болезнь! – выкрикнул я, - Что именно вам не понравилось в ней? – Я приблизился впритык к ее лицу..

Послушайте... Я пришла не для того, чтобы обсуждать ваши проблемы... - Голос ее дрожал, однако она пыталась говорить сдержанно. –Я еще раз хочу напомнить, что ищу свою дочь, и если вы каким-то образом можете мне помочь в этом, я готова заплатить.

Сколько?

Что?

Сколько заплатить?

Я не знаю... Сколько вы захотите...

Хорошо. Деньги с вами?

Нет... Но я могу это организовать...

Вы ничего не сможете организовать, потому что вы в этом доме и выйти отсюда по собственному желанию практически невозможно.

Что это значит? Почему вы это делаете? Ведь должны быть, по крайней мере, мотивы...

Мотивы бывают у тех, кто имеет разум. Больные убивают без мотивов... - Я заметил как побледнело ее лицо. - Я болен? – спросил я.

Она молчала.

- Я лишь немного помогаю осуществлению. Вы верите прессе? Ведь это почти всегда, в поддержку вашим убеждениям, мотивированные объективные суждения, мысли и события. Не так ли? Опять же, хочу объяснить. Возьмем номер за 8-е ноября. Исчезла девочка. Ведь это освещение объективной действительности. Объективное освещение мотивированное объективной действительностью. Так? Так. Ваша дочь действительно исчезла. Газета об этом написала. Смотрите теперь сюда. Номер за 12-е ноября. Обнаружен труп женщины.... Снова освещение объективной действительности. Однако. Чтобы освещение было действительно объективным, необходима, как вы говорите, объективная мотивация. Которой пока еще нет. Обратите внимание. Событие произошло 11-го. На самом же деле, как вы понимаете, еще произойдет. Ведь сегодня лишь 9-е. Стало быть, у нас с вами достаточно времени, поэтому появление объективного мотива не за горами, мы с вами позаботимся об этом...

Она молча смотрела на меня и во взгляде ее появилось что-то большее, чем настороженность, это был страх.

Вам нужна помощь... Я ничего плохого вам не сделала и не собираюсь делать... Отпустите меня, прошу ...

Если я вас отпущу, информация в прессе останется немотивированной. А газета окажется просто враньем. Газета нашего города. Как супруга мэра и, само- собой, патриот города, вы бы не хотели этого. Когда дело касается собственной безопасности, очень скоро забываешь, с какой целью ты здесь. Вас больше не беспокоит судьба вашей дочери?

Отпустите меня. Мой муж имеет деньги, он заплатит вам, я сделаю это сама. Я побеспокоюсь чтобы после, вас никто никогда не потревожил, вы будете богаты.

Минутку... Богатым? Вы имеете ввиду деньги? Однако, деньги - это ничто. Полагаю, вы скоро в этом убедитесь. И так, вы предлагаете мне ничто? Когда к ничто прибавить ничто, богаче не станешь.

У меня нет больше сил...

Вот это уже что-то... Я же теперь чувствую небывалый прилив энергии и это колоссальное состояние, несравнимое ни с какими деньгами. Все возрастающие внутренние и физические ресурсы. Вы ощущали это когда-нибудь?

Мне плохо... Прошу вас, дайте мне воды...

Обнаружен труп... - вел я дальше, - Что чувствуете вы, когда слышите это? Как представляете? Когда я прочел это впервые, увидел полуобнаженное тело, ну знаете: изорванное платье, грудь и прочее, банальный стереотип воображения, формируемый криминальными фото. Потом я подумал – это не для нас с вами. Мы попали в необычные обстоятельства и должны придумать что-нибудь этакое необычное. Возьмем, к примеру, выбор инструмента для осуществления... Как бы это деликатнее... Ладно, оставим... Скажем так... Чему бы вы отдали предпочтение: топор, что-то огнестрельное или,

может быть, руки... Сильные мужские руки и нежная кожа женской шеи... Устраивает вас такой тандем? Как по мне, достаточно чувственно...

Я видел, как дрожали ее пересохшие губы, ее глаза метались по дому, Должно быть, она снова читала надписи на стенах, а, может, просто искала что-нибудь подходящее, чем можно было ударить меня по затылку. Странно, что я не видел в ней женщины. Я даже не мог теперь четко определиться – красива она или наоборот. Сейчас это было совершенно излишне. Еще никогда в жизни я не был столь целеустремленным и теперь почему-то думал о том, в каком положении найдут ее тело, как лягут складки одежды, очевидно, она будет сопротивляться и, вполне вероятно, что платье испортится, где-то что-то разорвется, обнажив тело. Ее глаза будут открытыми! Это однозначно! В этом есть неотъемлемая эстетика убийства. С открытыми глазами просто так не умирают. Волосы лягут на мокрую береговую траву... Хорошо бы, если б по ним ползали улитки, или пушистые гусеницы... Впрочем, я опережаю события, а еще хуже - планирую их, в этом есть что-то прагматическое. Положимся на фатум.

Я помню, вы хотели воды. Но вода на кухне. Если я пойду туда и оставлю вас здесь, вы можете прибегнуть к неадекватным действиям. Лично я почти убежден в этом. Вы почему-то в возбужденном состоянии. Это ошибка. Все потому, что вы достаточно ординарны в данном случае, упираетесь, словно свинья, которую тащат на бойню, вместо того, чтобы в отличие от глупых животных, свободно подчиниться судьбе. Ведь это и есть главное, что отличает нас от стада. Пообещайте мне, что будете вести себя разумно и целомудренно, и тогда я вам подам воды. Хотя, если это ваша последняя воля, она достаточно банальна...

Намерившись идти на кухню, я вдруг почувствовал, как горячая темная волна накатывается на меня, после которой, я проваливался во тьму. “Только не теперь...” – успел подумать я, сделав несколько шагов, - Только не теперь...” Мне удалось добраться к лестнице и схватиться рукой за поручни.

Сначала прохлада коснулась моего лица. Затем я открыл глаза. Входная дверь в дом была отворена настежь. В комнате никого не было. Я поднялся на ноги. Прошло не так много времени, она не могла убежать далеко. Выскочив на порог дома, я огляделся вокруг. Над пустырем висели звезды, ночь была тихой и почти прозрачной. Вдруг вдали я увидел светлое движущееся пятно, это светилось в темноте ее белое платье. Не мешкая ни секунды, я бросился в погоню. Ее бледный силуэт все дальше удалялся вдоль леса к железнодорожному полотну.

Совсем скоро ветви деревьев хлестали меня по лицу. Сокращая путь, я побежал напрямую через лес. Не разбирая пути, я ни на миг не сомневался в правильности избранного мной направления. Когда же, преодолев непроглядную лесную тьму, я выскочил из леса, то почти сразу же увидел ее белое платье, она перебежала деревянный мостик. За рекой начиналась железнодорожная насыпь. Резкий протяжный гудок пронзил ночную тишину. Из-за леса вырвался мощный поток света. Поезд преградил ей дорогу. Она была уже на насыпи и бежала против движения вагонов. Там, за последним вагоном, было ее спасение. Так ей казалось. Когда же она поравнялась с хвостом поезда и, пропустив последний вагон, бросилась на железнодорожное полотно, случилось что-то неожиданное, ужасное, потрясшее меня. Грохот поезда не оборвался, как это бывает, когда перед тобой проносится последний вагон. Более того, я вдруг увидел такой же мощный встречный поток света лишь на мгновение высветивший во тьме ее белый силуэт, и миг ее не стало. Перед моими глазами предстала та же картина – чреда вагонов с бешеной скоростью, несущихся в противоположную сторону.

Когда шум колес встречного поезда закатился за лес, я вышел на насыпь. Странная звенящая тишина стояла вокруг, в воздухе был полный штиль. Казалось, ни единого движения, ни единого перемещения, словно природа застыла от увиденного. В нескольких шагах на рельсах что-то тускло белело. Я взошел на насыпь. Собственно, женщины или ее тела, я не увидел. Было что-то странное, непонятное, что осталось от нее. Я присел рядом, чтобы лучше рассмотреть то, во что она превратилась и уловил новый непривычный запах, напроочь поглотивший прежний аромат ее духов. Я пытался распознать привычные очертания человеческого тела, но это почти не удавалось. Лежали какие-то окровавленные волокна, изорванное платье... Вдруг я увидел что-то такое, что показалось знакомым мне. Я не сразу определился, однако, потом вспомнил где уже видел именно это. В стеклянной колбе в кабинете анатомии. Оно плавало в формалине. Сомнений не было, это было сердце. Настоящее человеческое сердце. Я смотрел на него и необъяснимые чувства переполняли меня. Потрясающе... Этот маленький комочек несколько мгновений назад вмещал в себе жизнь, держал вокруг себя ее форму. Теперь форма была разрушена, а вместо нее я видел непонятную

кровоаво-темную массу. Еще совсем недавно, все то, что лежало теперь у моих ног, достаточно быстро передвигалось, о чем-то мечтало, к чему-то стремилось, говорило, мыслило, переполнялось чувствами, любило свою дочь... Ну и что теперь? Где ее мечты? Где надежды? Где любовь? Чего стоит этот остывший кусочек мышц? Я поднял его. На самом деле сердце было еще теплым. Я осмотрел его со всех сторон. Оно было совсем целехоньким. Видимо, из-за очень мощного удара, тело разорвалось, и оно выскочило из него неуязвимым.

- Вот ты и на воле... - сказал я ему, - поздравляю...

Осмотрев его еще раз и очистив от прилипших мелких камушек, я аккуратно завернул его в носовой платок и опустил в карман твидового пиджака.

Какое-то время я снова смотрел на то, что осталось от недавно еще жившей женщины и почему-то вспомил о покинутом плоте. Видимо, теперь их изуродованные тела были чем-то схожи. Я подумал, что его старческих сил хватило бы разве что для такого груза, как ее несчастное тело. Еще какое-то время я размышлял, стараясь что-то вспомнить, однако у меня ничего не получалось. Как мог, я собрал тело и, завернув в платье, чтобы оно держалось вместе, стянул его с насыпи.

Потом я нес его в руках, прижав к груди, и лишь у самого моста положил на мокрую траву. Освободив плот от камыша, пронзившего его гнилое тело в разных местах, я вытащил его на воду. Дерево окончательно утратило силу и постепенно теряло структуру, метастазы гнили прошили его насквозь, однако в нем еще теплились признаки жизни и я подумал, что остатка сил могло бы хватить для того, чтобы отнести ее тело подальше от полустанка. Я положил его на спину старого плота и оттолкнул его от берега. Мало-помалу течение захватило плот и вскоре их уже трудно было различить на темных водах реки.

Утро пришло с первыми в этом году заморозками. Я лежал на кровати и вспоминал минувшую ночь. Мне никак не удавалось восстановить в памяти ее лицо и всякий раз, когда я пытался это сделать, перед глазами возникало сердце. Оно было с синими прожилками и темными пятнами закипевшей крови. Лишь со временем я поднялся и спустился вниз.

Портрет был освещен утренним солнцем. Ее глаза были немного печальны. Вместе с тем, была еще какая-то светлая холодная пелена, светлая и холодная, как сегодняшнее осеннее утро. Как благостно было в такое морозное утро в детстве просыпаться от запаха печеных пирожков. Похоже, я даже услышал его теперь, запах, доносившийся из интернатской кухни, там пекли пирожки с вишневым вареньем. Для этого специально топили старую печь. Пирожки вынимали из печи и их горячие спины смазывали взбитыми яичными желтками, мокая в них большое гусиное перо. Это означало, что пришел праздник именинника, общий праздник для всех детей родившихся осенью. В том числе и для меня... Следовало бы заглянуть к девочке и отнести ей чего-нибудь... Я приготовил завтрак, подогрел молока и намазал булку маслом.

Девочка спала на старом диване. Рядом с ней спала кукла. На самом деле я подмешивал в молоко снотворное: так, во сне, ей легче было коротать время в одиночестве, поэтому большую часть времени Оля видела сны.

Как они поразительно похожи друг на друга... Тот же цвет волос, те же голубые глаза, даже рост их был одинаков...

Она вдруг открыла глаза и через мгновение в них появились слезы.

Нет, не нужно плакать! Куда лучше, когда ты смеешься. У тебя приятный смех. Помнишь? – Я поднял куклу и прижал ее за живот. Кукла засмеялась, но девочка никак не среагировав, продолжала плакать. Я оставил завтрак и ушел прочь.

Дорога вела меня к пустырю. В воздухе сотался дым, где-то жгли опавшие листья, сухую траву и пахло уныньем. Осенью всегда так пахнет, когда кремируют мертвую природу. Время воспоминаний и размышлений. Над пустырем кружила воронья стая. Я всегда путал, что именно они предвещают, то ли снег, то ли ветер. Мало-помалу, я подошел к кладбищу. Ветер клонил сухие травы, срывал с кустов последние листья и бросал их на могилы, утепляя на зиму. Наверное я пробыл возле нее несколько часов, потому что скоро увидел как на кладбище опустились сумерки Так закончился мой день именин.

Прошло два дня. Был полдень, когда на пороге дома появилась почтальон.

Я снова долго осматривал ее голову, потом спросил:

Я вдруг забыл о чем хотел спросить.

Что? – поинтересовалась почтальон, разглядывая мое лицо.

Вы были на работе?

Я всегда на работе. Такая работа.

Но...

Что?

У вас все хорошо?

У меня хорошо. А что?

Ничего.

Вы слишком бледный. Вы плохо выглядите, похудели...

Не ваше дело... Дайте почту...

А вы грубиян. Раньше я этого не замечала.

Почтальон протянула мне газеты и, не попрощавшись, уехала.

Я вернулся в дом.

12-ое ноября... Меня интересовал номер за это число и очень скоро я нашел его.

Мои глаза светились радостью, когда читал сообщение. Информация номера “наперед” подтвердилась, труп нашли на берегу водохранилища... Ему удалось это! Он таки выдержал! Его прогнившие плечи таки вынесли ее тело. Я думал о нем... Постепенно представил, как, выполнив свое предназначение, расслабился старый плот, как развалился его деревянный организм и медленно пошел ко дну. Ее тело опустилось рядом на песок, недалеко от берега, и белое платье светилось сквозь холодную прозрачную воду. Сколько импресии и неги в этой чудной воображаемой картине. Как мало красок, холодных и прозрачных, но как глубоко и проникновенно погружаются они в тебя, касаясь души, глубины ее вечности. Зачем я не художник? Я оставил бы человечеству неподдельные образцы вдохновения. Я способен на это... Необыкновенное состояние... Какое необыкновенное и значительное... НЕОБЫКНОВЕННОЕ... НЕОБЫКНОВЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ... ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ОБОЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬЮ... ТАК ЖЕ И Я... РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО ПРОИЗОЙТИ И Я ЖДАЛ ЭТОГО... БЛАЖЕН ТОТ, КТО НАХОДИТ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И РЕАЛИЗОВЫВАЕТСЯ В НЕМ... ЭТО УТВЕРЖДАЮ Я, ТОТ, КТО ОЩУТИЛ И СОВЕРШИЛ В НАЗНАЧЕННЫЙ ЧАС...

Я поставил точку и подвел под надписью большую жирную черту.

Прошло еще несколько дней. Продолжала умирать природа, обращая к раздумиям, оголяя душу. Два раза я ездил в город, чтобы купить еды и возвращался с полными пакетами фруктов, разных сладостей. Мне не хотелось, чтобы Оленька Булат чувствовала ущербность, ведь она должна была помочь мне в одном важном деле. Я говорил с ней, старался развлечь, искренне желая скорой развязки. Однако в этой сфере у меня были определенные трудности. Не скажу, что люблю детей, наверное, было бы совсем иначе, если бы они были моими. Мы прожили с женой долгих семь лет и этого не случилось... Чесно говоря, я хотел бы иметь дочь, расчесывать ей волосы, вязать бантики, покупать игрушки, я бы баловал ее... Я бы баловал... И этого не случилось... Нет...

Я произнес последнюю фразу и понял, что говорю вслух. Я сидел в кресле перед ее портретом. Она, как и прежде, нежно улыбалась мне. Часы пробили двенадцать раз - наступил полдень. Через несколько минут позвонят в дверь, это снова приедет на своем велосипеде почтальонша, она привезет почту.

Звонок прозвучал как-то неожиданно резко, с надрывом, кажется передавая настроение почтальонши. Она не желала общаться со мной. Газеты снова лежали на пороге. Подобрал их, я вернулся в дом. Что готовили они для меня сегодня? Интригу непредвиденности скрывали их страницы, возбуждая мой мозг. Я прочел их все и сразу, и не нашел не единого сообщения, касающегося продолжения миссии. Я так же не нашел среди газет так называемого номера “наперед”. В который раз, листая страницы и перечитывая каждую строчку, я все больше и больше разочаровывался. В конце концов, свернув в охапку все газеты, бросил их в пылающий камин. Внезапно мощным ярким пламенем вспыхнули они и я тут же ощутил, как такая же горячая вспышка произошла в моей голове. Я смотрел как корчится и чернеет газетная бумага, как она морщится и рассыпается на пепел, а густая горячая масса медленно заливала мой мозг. Я не сопротивлялся, а покорно ждал пока она окончательно заполнит собой все его клетки и я провалюсь в красный мрак.

Быть может это было утро. А может вечер. Я проспал много времени. Мне даже что-то снилось, что-то очень чудесное, прозрачное, кажется, это была вода, небесно- бирюзовая, как в океане, и я жил в ней маленьким мальчиком, выпасал большую стада цветных рыб, они кормились, гонялись друг за дружкой, метали икру, поливали ее молоком, я играл с золотистыми их детенышами,

щекотавшими мое тело, он только что родились, я видел как они выпрыгивают из разорвавшихся золотых икринок и начинают забавно плавать вокруг меня... Постепенно я ощутил прохладу... Она становилась все ощутимей и очень скоро я увидел, как охлаждаются и медленно падают на дно маленькие рыбки... Я чувствовал пронизывающий холод и как все труднее и труднее становится дышать. В какой-то момент, подняв голову, я увидел над собой холодную ледяную стену. Она росла и росла, приближаясь ко мне, чтобы раздавить мое тело. Я отчаянно упирался руками, головой. Уже в последний момент, когда я лежал на дне и едва удерживал над собой ледяную стену, напрягаясь из последних сил, она не выдержала и провалилась. Раня руки о ее острые края, я вырвался на воздух. Когда же, придя в себя, открыл глаза, то увидел, что лежу в траве возле дома. Рядом валялись осколки стекла. Постепенно я поднял голову. В нескольких метрах от земли, на гранитной стене дома, зияло разбитое окно. Не трудно было догадаться, что произошло. Руки мои были окровавлены, лицо тоже. Почему все так? Почему со мной злое? Теперь мне это совсем не нужно...

Немного погодя, я стал на ноги и пошел в дом.

Похоже, прошло еще несколько дней. Газет не было. И я решил действовать самостоятельно. В конце концов, сколько можно нянчиться со мной, ведь я в состоянии принимать решения, все и так достаточно разъяснено. Наверняка, мне предоставляли возможность почувствовать уверенность в себе, мне всегда мешала моя инфантильность. Что-то принуждало меня подняться в спальню. Еще издали я увидел, что на зеркале появились какие-то надписи и вдохновился необыкновенно, тело мое сладостно задрожало и выпрямилось. Это были цифры. Всего семь. Ни слова, ни единого намека, они были лишними... Сила взаимопонимания набирала такого уровня, когда от малословия получаешь истинное наслаждение, а молчаливый контакт такого совершенства, ведет к абсолютной гармонии.

Я вовсе не знал о чем буду говорить и не заострял на этом внимания, едва догадываясь вообще куда звонил, набирая эти семь цифр. Между тем, мне было так легко и беззаботно, и сердце и мозг освободились от лишних чувств и мыслей Их прозрачность приводила мой организм в необыкновенное состояние сбалансированной свободы и вместе с тем уверенности в себе. Я дышал глубоко и ровно, говорил спокойно и убедительно. Когда женский голос сообщил, что я позвонил в приемную мэра, я не колеблясь попросил соединить меня с ним. Женский голос резонно поинтересовался, кто я, и я, не задумываясь, назвал свое имя. Я уже говорил, когда хочешь обмануть - говори правду.

Почему-то был уверен, что услышу именно такой тембр, именно такую интонацию. Баритон, приближающийся к басу. Эти поставленные голоса руководящих чиновников всегда веселили меня. Их владельцы придавали такой черте исключительное значение, я говорю о тональности, собственно, это было главной и определяющей составной руководителя. Почти всем им казалось, что они создают особенно представительское впечатление на кружающих, что именно это и есть истинный показатель интеллекта, жизненного опыта и мудрости их личности.

Как изменился этот тембр и куда девалась его императивность после нескольких слов, которые я произнес не напрягаясь, и это понравилось мне. Мне доставляло удовольствие следить за их видоизменением, приспособлением к окружающей среде. Еще одна присущая и неотъемлемая черта руководящих чиновников – мгновенно и без осложнений, превращаться из тигра в червя, если того требуют обстоятельства, их желудок или центры самосохранения. В последствии он лишь молчал и покорно слушал все то, что я говорил. Этот Булат любил свою дочь. Я пообещал ему встречу, если он будет вести себя надлежащим образом, выполняя все мои распоряжения. Вероятно, он и вправду был хорошим семьянином и любящим отцом. Поразмыслив, я пообещал ему встречу не только с дочерью, но и с супругой. Правда я не уточнил в каком виде или какой, так сказать, форме существования. Впрочем, если он по-настоящему любит, его не должна волновать это незначительное физическое изменение и ни коим образом не сможет приуменьшить силы его чувств. Повторяю, если это настоящая любовь... Я назначил место встречи. Условия мои исключали присутствие кого либо, мэр должен был быть один, иначе встреча не состоится. Если же я замечу малейшую опасность... Я убью... Сразу же... Секретарше он сообщит, что на несколько дней останется на загородной даче и попросит его не беспокоить, пока сам не позвонит. Собственно, все... Нет, я еще сказал ему о том, чтобы он захватил с собой деньги. Он спросил меня сколько и я предложил ему самому определиться. Кому, как не ему, лучше знать цену своим близким.

Затем я сказал, что лучше всего было бы, если бы он забрал их все, то есть, все деньги, которые он имел на сегодняшний день и прибавил к ним еще пятьсот тысяч.

Был вечер. Я стоял возле кирпичной стены полустанка. Как заметно укорачивались дни и становились прохладнее. Каждый год, в конце осени, особенно после дождя, я слышу как пахнет

влажная земля и намокшие опавшие листья. Умирая, природа напоминает душе о главном. У каждого оно свое. Ты не можешь назвать его точно, обозначить, ты не видишь его образа, не понимаешь его умом, но душа вдруг чувствует, что это и есть главное. Жизнь? Творчество? Память? Детство? Ушедшее? Будущее? Нет, все же, скорее ушедшее... Да, вот именно, ушедшее... Может, это и есть главное? Главное это то, что ушло, чего больше не будет. Так же когда-нибудь не будет и нас. А осень повторится снова, но нас уже не будет. Вот главное. Главное - это смерть. Всякая жизнь не имеет смысла. Она слишком кратковременна. Смерть – вот единственно вечное что ты можешь иметь...

Свет прожектора пронизал сумерки, вырвавшись из-за леса. Поезд сбросил скорость и стал тормозить. Я почему-то вспомнил теперь его жену, как спускалась она по ступеням вагона. Странно, и она и он ехали в свой последний путь в обычной зашарпанной электричке в окружении непривычных для их круга людей, среди не присущих им запахов, непонятных чужих разговоров, желаний, устремлений. Но самое интересное то, что дорогу эту он определил сам, задолго до сегодняшнего дня. Сегодня пришло время платить долги.

Он стоял растерянный, оглядываясь вокруг. Электричка отъехала. Когда ее последний вагон скрылся за деревьями, я вышел на перрон. Мы стояли друг против друга в нескольких шагах. Полагаю, он сразу же понял кто я. В глазах его была надежда, тревога, быть может страх. Неужели он действительно способен на это? Я говорю о чувствах к своим близким. Неужели они настолько сильны, что перебороли инстинкт самосохранения. благородно, нечего сказать. Впрочем, никаких положительных качеств, никаких симпатичных черт, которые могут помешать, ничто не должно остановить, посеять сомнения, миссия должна осуществиться четко и безукоризненно. Я, и только я приведу ее к надлежащему завершению.

- Это вы? – неожиданно спросил он, и я не узнал его голоса - от баритона не осталось и следа, а вместо него послышалась жалкая убогая тщедушее.

Скажу честно, это особенно развеселило меня. Я мог даже улыбнуться. Похоже, я так и сделал.

- Это вы? – повторил он и в голосе послышалось дрожание.

Ну вот он уже и раскис. Я не отвечал. Мое подтверждение в данной ситуации было излишне. Наше знакомство произошло, это было несомненно. Не такие уж мы дураки. Я хотел сказать, не такой уж я глупец. Я поднял воротник твидового пиджака и тронулся в путь.

Мне идти за вами? – послышалось позади – Что мне делать?

Я шел не оборачиваясь и слышал за собой его шаги.

Я иду за вами... - сообщал он неуверенным голосом. – Я один, со мной никого... Вы можете не беспокоиться... - Неожиданно я остановился и повернулся к нему лицом. Булат замер. - Деньги со мной... Здесь, в пакете... - произнес он. Я пошел еще быстрее. Кажется, он не поспевал за мной. Прогулки пешком были не столь привычны ему.

Немного погодя, мы шли пустырем окутанным сумерками и туманом. В какой-то момент я остановился и вынул из кармана наручники.

Я должен быть абсолютно уверен в собственной безопасности.

Я огляделся вокруг.

Нет, не сомневайтесь, со мной никого нет, я взял лишь деньги. Единственное, что мне нужно – моя семья. – Булат протянул ко мне руки. - Я понимаю...

Какими беспомощными бывают сильные мира сего. Он до сих пор верит в силу денег. Мы продолжили путь. На что он надеется? Наверное, он действительно любит их. Любовь слепа. Он и в самом деле ослеп. Неужели он не узнает этой дороги, этого твидового пиджака? А может лишь притворяться?

Все последующее время по дороге к дому я не слышал его голоса, лишь тяжелое дыхание.

Дом вырос из тумана неожиданно, почти перед глазами. Я бросил взгляд на своего пленника. Он, как и прежде, растерянно и тревожно смотрел на меня, казалось, не замечая дома. Неужели его память стерла эти изысканные архитектурные очертания? В таком случае, он далеко не эстет и это его еще один весомый недостаток. Его приоритеты – примитивные животные инстинкты. Тогда весь арсенал его положительных качеств исчерпывается любовью к дочери или жене. Любопытно, кто из них более ценен? Сегодня это оружие в моих руках. Изысканное оружие для изысканной мести. Ведь я далеко не примитив, иначе я мог бы убить его уже теперь и миссия была бы завершена. Вина доказана, судьи и ИСПОЛНИТЕЛИ ОПРЕДЕЛЕННЫ, МЕЖДУ ТЕМ ДЕЛО НЕ В ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА, А В ЕГО КАЧЕСТВЕ. ОТ КАЧЕСТВА ПРИГОВОРА ЗАВИСИТ КАЧЕСТВО МЕСТИ. ОТ КАЧЕСТВА МЕСТИ ЗАВИСИТ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ МИССИИ...

- Что это? Что вы пишете? Зачем это? – услышал я вдруг его голос. Я стоял у стены, в руке моей был зажат нож. - Зачем вы пишете это? Я принес деньги. Все, как вы просили. Я обещаю не преследовать вас...

Я рассматривал дверь, ее исцарапанную ножом древесину, находя в рисунке живописные мотивы. Затем неспеша, скрупулезно и последовательно открыл замки. Мы зашли в дом. Я не включал свет, вместо этого зажег свечу и предложил гостю сесть в кресло. Потом подошел к портрету и зажег свечи в подсвечниках. Их свет озарил ее портрет. Я стоял рядом и смотрел на Булата. Лицо его побледнело, я заметил как задрожал подбородок и стислись губы. Казалось, он увидел что-то прекрасное и в то же время такое, что ужаснуло его. Теперь его взгляд был прикован к портрету, а все остальное утратило для него значение. И я воспользовался этим. Достав из шкафа бутылку с вином, я подошел к мэру и разбил ее об его голову. Это было старое португальское Dom jose 1856 года, которое я нашел на верхней полке. Именно отсюда доставал его покойный лакей. Темно-бордовые ручейки густой липкой жидкости стекали с Булатовой головы, упавшей ему на грудь. Я подставил палец и попробовал его на вкус. Ничего особенного, вино как вино. Разве что немного терпковато. Может, просто смешалось с кровью? Может... Хотя, кажется кровь соленая, а не терпкая...

Я ушел в подвал, там где на пыльном столе лежала веревка.

Они снова спали рядышком, прислонившись друг к дружке. Оленька и кукла. Вероятно, я потревожил их сон и Оленька открыла глаза. Щурясь от света свечи, которую я держал в руке, она не сразу узнала меня. Я подошел к ней и погладил по голове.

Завтра с утра ты увидишься с папой, а теперь спи, спи, все хорошо, все, как и должно быть...

Захватив веревку, я вышел из подвала, закрыв за собой дверь.

Булат сидел в той же позе, в какой я оставил его. Распутав веревку, я надежно привязал его к креслу, обвив несколько раз вокруг. Лишь только успев это сделать, как почувствовал неожиданную усталость и головокружение. Я также распознал знакомое тепло и подумал о том, что может произойти. Чтобы предупредить это, я поспешил к себе в комнату и, едва успев лечь на кровать, тут же провалился в красный мрак.

Однако, скоро открыл глаза. Казалось, прошло совсем мало времени. Я вспомнил все, что случилось перед этим. За окном светила луна. Совсем не хотелось спать и я решил прогуляться этой осенней ночью. Спустившись вниз, я подошел к креслу, в котором сидел Булат. Нагнувшись к его лицу, я ощутил легкое дыхание на своей щеке. Свечи продолжали гореть. Я взглянул на портрет и сразу же понял, что мне теперь нужно.

На улице было не по-осеннему тепло, звездное небо освещало землю и как могло согревало ее. Я брел ночным пустырем и мне было особенно умиротворенно на душе. Пришел давно ожидаемый покой. Я думал о ней, представлял ее образ, разговаривал с ним, касался его, улыбался ему, пока не остановился. Передо мной выросли знакомые кладбищенские ворота. На кладбище было светло, словно днем, кресты светились под лунным светом. И вместо своего ночного предназначения пугать, несли успокоенность и легкую грусть за теми, кто лежал под ними. Сделав еще несколько шагов, я остановился. Сегодня я нашел ее быстро и легко, будто ноги сами привели меня сюда. Ее нежный белый крест светился в прохладном воздухе и расплывался в нем, словно мираж. Неожиданно я вздрогнул. Кто-то коснулся моего плеча. Я реально ощутил это и оглянулся.

Ее лицо было бледным, а глаза бездонны и холодны, как лунный свет.

Я... Я очень ждал... Рад видеть вас... - произнес я, - То есть, я так говорю... Я так ждал...

Ее губы шевельнулись.

Я тоже... Ждала почти десять лет...

Ее голос был тих и еле слышен. Может, ей было тяжело говорить. Во всяком случае такое складывалось впечатление.

Не волнуйтесь, все хорошо, - сказала она, - хотите, чтобы я поцеловала вас?

Я всегда думал об этом с тех пор как только увидел ее лицо. Неизвестно откуда я знал, что когда она это сделает и я сделаю то же самое, ее бледное лицо нальется румянцем, а лунные глаза станут солнечными.

Если вы не против, если вы только захотите...

Она сделала шаг и я ощутил на губах поцелуй, словно ветер коснулся моего лица, проник в меня, наполнив приятной прохладой. Никогда не испытывал подобного состояния. Как бы мне хотелось теперь взлететь и покружить над кладбищем в прозрачном осеннем небе, мне стоило бы лишь чуть оттолкнуться от земли, вместе с тем я чувствовал в себе такую силу, что если бы взялся теперь рукой за крест и легко толкнул Землю, она бы еще быстрее завертелась вокруг своей оси, неся нас на вращецу Солнцу. Все было настолько реально, что я мог сделать это в любую секунду, однако не это занимало меня теперь, было что-то глобальнее, чем Земля, Солнце, Вселенная - вся значимость которых становилась мелочной в сравнении с тем, что имел теперь, что держал в руках, касался губами, ощущал нежность кожи, запах тела, аромат губ. Огромный звездный купол, нависший над нами, с любопытством наблюдал за маленьким кладбищем и согревал его. Мы лежали в травах между

могил и я узнавал ее как женщину, я желал ее как женщину, позабыв обо всем на свете. Я целовал ее обнаженное тело, освободив его от одежды и теперь оно, не стесняясь, не скрывая себя от взглядов звезд, небесных планет, космических галактик, принадлежало лишь мне. Я горячо целовал ее губы и вдруг ощутил терпкий привкус во рту, в горле, потом я увидел кровь, вытекавшую из нее. Ее тело уменьшалось, словно угасало на глазах. Совсем скоро оно растаяло в траве. Я даже не успел опомниться. Оставалось лишь ее белое платье. Хотя, оно уже не было таким белым, ведь оно промокло от пролившейся крови. Я поднял платье, и, закрыв глаза, прижал к лицу. Так я держал его долго, пока не ощутил холод. Все тело мое дрожало и мне хотелось согреться. Я открыл глаза. Передо мной была моя простыня. Огромное кровавое пятно расплылось на ней. Покрывало лежало возле кровати на полу и на нем также были кровавые пятна. Чуть кружилась голова, кажется меня оставили последние силы, мне тяжело было поднять руку. За окном встало солнце. Я припомнил вчерашний вечер и то, что там, в гостиной, в кресле должен оставаться привязанный мэр. Тот самый Булат, который станет последним звеном завершающим миссию, и тем самым приблизит нашу встречу. Я должен подняться и набраться сил. Я выпью красного вина и съем много мяса. За последнее время я очень мало ел, я просто позабыл об этой жизненной необходимости. Теперь же во мне просыпался небывалый аппетит, я готов был съесть эшелон телятины и выпить цистерну вина. Только бы подняться с кровати и дойти до магазина. Я куплю много-много еды: телячих балыков, свиных окороков, куриных ножек, индюшкой грудинки, гусяной печени, бычьих яиц и мозга, куплю много красного вина и буду есть, есть, запивая вином несколько дней, несколько дней... На несколько дней я сознательно сольюсь с природой, не оставляя и капли социума, СТАНУ СВОБОДНЫМ ОТ УСЛОВНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА, Я ПОЗНАЮ ЕСТЕСТВЕННОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ, ПИТАЯ МЫШЦЫ ТЕЛА И СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО МОЗГА, Я ПЛОДОТВОРНО ПОТРУДИЛСЯ, Я ВЫШЕЛ НА ФИНИШНУЮ ПРЯМУЮ И МОГУ ЧУТЬ РАССЛАБИТЬСЯ, ВЕДЬ СОМНЕНИЙ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ НЕТ...

Я опустил руку и отошел от стены. Затем, поразмыслив, вернулся назад и дописал:

...МЫ ВСТРЕТИМСЯ СНОВА, ЛИШЬ БЫ НАБРАТЬСЯ СИЛ...

Бросив на пол то, чем писал, (не называю этот предмет, потому что продолжал делать надписи на стенах чем угодно, всем что попадалось под руку и это не было столь важным для меня, а я информирую исключительно о важном), я вернулся к кровати и собрал свою постель. Проходя возле зеркала, я остановился, моя рубашка, она тоже была окровавлена на груди. Я бросил ее на кучу где была постель.

Прихожая снова была залита утренним солнцем. Булат сидел привязанным к креслу, глаза его были открыты, взгляд спокоен.

Сегодня вы увидите с дочерью, - сказал я.

Кажется, мое сообщение не произвело на мэра соответствующего впечатления. Он оставался молчалив и неподвижен.

Я все понял... - лишь со временем вдруг произнес он. – Я не выйду отсюда, не так ли?

Очевидно... - почти согласился я.

Кто вы? Зачем это вам? – продолжил он.

Сложно разобраться в себе. Мешает неординарность личности., если вы заметили... Зачем? Я подчиняюсь судьбе, потому что способен мыслить и выбираю свободное подчинение ей. Она же диктует события, я лишь исполнитель.

Почему вы?

Вопрос не ко мне. Существуют факторы рока, не зависящие от нас. Вы должны понимать это. Скажем, этот пиджак, я приобрел в магазинчике “Second Hand”. Кто мне скажет зачем? Или почему именно я его приобрел? Вы можете это объяснить?

Булат смотрел на пиджак, словно только теперь увидел его. Постепенно в его глазах появилась странная улыбка, похоже эта вещь наконец напомнила ему события давно минувших дней.

У вас появился повод для воспоминаний? Не стану вам мешать. Я скоро вернусь. Простите, я должен проверить надежность веревки. У меня нет уверенности в вашей целомудрии. Надеюсь, понимаете, о чем говорю. Когда вернусь, мы продолжим. Очень проголодался. Никогда еще не был так голоден.

Булат посмотрел мне в лицо, казалось, последние слова удивили его. Видимо, он подумал, что

именно они были не совсем последовательны и выпадали из общей темы, разрушая логические связи. А между тем, что неадекватного в том, что человек хочет есть и говорит об этом?

Я пошел к двери.

И еще... - вспомнил я, - Если вы все же примите неверное решение – противиться судьбе - и захотите освободиться... Вполне вероятно, что вы больше никогда не увидите своих близких. Я вернусь через тридцать минут.

Я закрыл за собой дверь У меня была полная уверенность в том, что Булат не прибегнет даже к попытке освободиться. Похоже, постепенно он стал понимать необратимость хода событий.

В магазине я купил все, что собирался купить, прибавив молока и фруктов для девочки. Ровно через полчаса я вернулся в дом.

Булат действительно, не изменив позы, сидел в кресле и веревка крепко держала его в своих объятиях. Между тем прошли сутки.

Ну вот... Все как и должно быть... Это радует... Я не смущу вас, если приготовлю обед здесь, очень уж хочется есть, простите за прозу. Что ни говорите, а эта низменная привычка поглощать пищу, владеет нами сильнее чем музыка, живопись, любовь, даже отцовские чувства. Вы можете не соглашаться. И все же, я вам скажу, мы по-настоящему зависимы. Уверен, у вас будет возможность убедиться в этом. Но, это потом... Как это, все же, угнетает. Я продолжаю тему. Хотя, вижу, вы далеко не эстэт и не страдаете из-за таких мелочей. Похоже, жизнь – единственная ценность, которой вы отдаете предпочтение. Я не ошибся?

Зачем вы говорите это? Что вам от меня нужно?

Мне? Вы пришли ко мне, не я. Может, вы забыли зачем вы это сделали. У вас были жена, дочь... Помните?

Почему вы говорите были?

Неважно, они были у вас, вы были у них, теперь вы не вместе, и вы шли сюда, чтобы исправить это. Ваши чувства и стремления достойны уважения. Однако. Существует прошлое. Ваше прошлое, которого не вернуть и за которое вас уважать невозможно.

Я хочу видеть их...

Вы хотите видеть их? Странно. А я хочу есть. Я не ел уже несколько дней. Извините, должен готовить обед. Чтобы вы не скучали, попробую занять вас. Послушайте... Это не современные дешевые мелодийки, это то, что не умирает. “Стоит мне услышать хоровую музыку четырнадцатого века, чтобы понять - на столько низко мы пали”... Кажется, Экзюпери... Хотя, я могу ошибаться. Предлагаю вам классику. Поэзия не так уж изысканна, но, похоже действительно вечна. Александр Сергеевич к вашим услугам...

Я поставил пластинку, а сам занялся обедом. Вложив в микроволновую печь два едва поместившихся куска телятины, я откупорил бутылку вина и налил себе полный бокал. Булат следил за каждым моим движением. Я отпил несколько глотков и заглянул ему в лицо. Граммофонная игла достигла первого препятствия и теперь уже несколько секунд повторяла: убил, убил, убил... Я не сводил с мэра глаз. Затем подошел к граммофону и поправил иглу. Булат опустил глаза и теперь, похоже, волей неволей, вслушивался в текст. И вот игла достигла следующей преграды. После того, как граммофонная труба в который раз громко и четко произнесла его имя, Булат поднял глаза. Я сделал еще несколько глотков. Мы смотрели друг на друга. Что-то изменилось в его взгляде. К присутствующим там отчаянию и обреченности добавилась чуть заметная тоска. “А может он не совсем пропащий?” – подумалось мне, однако я тут же отбросил неуместные сомнения и теперь смотрел на ее портрет.

Я хочу услышать эту историю... - произнес я.

Булат тоже смотрел на портрет. Взгляд его был угнетенным что-ли...

- Я не убивал! Я не убивал ее! Она сама!!! – неожиданно закричал он.

Я снова посмотрел ему в лицо. От глубоких чувств, которые, как мне показалось, возникли в его глазах, не осталось и следа. Теперь в них был обыкновенный откровенный страх, обусловленный единственным чувством, чувством самосохранения. Было похоже, что он снова позабыл о дочери, о жене и заботился о собственном положении. Я допил вино. Потом выключил граммофон. Достав из буфета белую скатерть, я покрыл ею стол и поставил прибор. Пи-пи-пи...- позвала микроволновая печь. Я вынул запеченную телятину и поставил на стол. Затем снова налил полный бокал вина.

Чего вы добиваетесь? Что вам от меня нужно?

Я молчал. Выпил вина и продолжал есть мясо.

Я не знаю, что мне делать... Она сама... Понимаете... Я не хотел...

Хочет ли он еще увидеть свою дочь? Помнит ли о ней? О чем он думал, идя сюда с большой суммой денег? Почему теперь обо всем забылось? Странными бывают люди. Странными. Пройдет время и он

еще больше захочет есть, а через несколько дней забудет обо всем на свете и еда станет главным смыслом, Богом, единственным устремлением, целью, женой, дочерью. Неужели это и есть настоящая человеческая природа и мы так зависимы от примитивной необходимости. В камине угасал огонь. Надо было подбросить дров. Однако я не делал этого, а продолжал сидеть, пока веки мои не стали тяжелыми и постепенно закрыли от меня окружающий мир.

Не знаю сколько проспал. Может день. Может два. А может неделю. Огонь в камине давно погас, свечи в подсвечниках догорели. За окном сгустились сумерки, может, близился рассвет. А, может, ночь. Булат, как и прежде, сидел в своем кресле – тюрьме, кресле – логическом завершении, кресле – следствии, кресле – результате. Видимо, он и сам понимал это теперь. Видимо... Заметив, что я проснулся, он снова заговорил:

Я не убивал ее... Это был несчастный случай... Мы любили друг друга еще со школы, потом в институте... Я снимал квартиру в двенадцатиэтажном доме на последнем этаже. Иногда мы встречались там. Однажды, когда я провожал ее к лифту... - Булат сделал паузу, - Я был не одет. Понимаете... Была зима... Она не любила. Чтобы я провожал ее... То есть, она не хотела. Чтобы кто-то видел нас. Вы понимаете? Я провел ее к лифту. Она нажала кнопку вызова. Потом повернулась ко мне. Мы поцеловались. Потом я услышал как открылась дверь. Она стояла к ней спиной. Потом резко повернулась, сделала шаг и ее не стало. Передо мной была темная лифтовая шахта с замасленными металлическими тросами. Лифта не было. Она даже не вскрикнула. Я не успел. Я не успел ее удержать, не успел... Все случилось молниеносно... Кто мог подумать? Понимаете? Я не виноват... Я не хотел...

Я налил себе вина и выпил его. Потом снова стал есть мясо. Это были куриные ножки. Рассказ мэра не взволновал меня. Что-то было в нем, что не убеждало сердце, потому что история сама по себе была достаточно правдивой. Я явно передал, ощущая тяжесть в желудке. Может поэтому. Сытый голодному не верит. Может... И все же, я подозревал недосказанность, некую незавершенность. Я взглянул на портрет. Ее глаза лишь подтвердили мои сомнения. Я молча продолжил свою трапезу. Кто-то другой на моем месте давно бы лопнул от такого количества вина и мяса. Такой нагрузки не вынес бы ни один человеческий желудок и давно бы разорвался вместе с мышцами живота. Я сделал еще несколько глотков вина, чтобы легче было проглотить куриное мясо и снова взглянул на портрет. Почему такое изысканное существо могло любить такое никчемное и отвратительное?

Похоже в доме похолодало, во всяком случае, я ощутил это. Мне не хотелось идти за дровами. Переполненный желудок разленил мое тело. На полу возле кресла, в котором сидел мэр, я заметил пакет с которым он пришел сюда. Я поднял его. Затем высыпал его содержимое на пол возле камина. Это были по-банковски упакованные банкноты. Очень много банкнот, достаточно, чтобы не идти за дровами. Скоро я бросал их пачку за пачкой в камин, где все больше и больше поднималось пламя, так согревавшее меня. Я слышал как за моей спиной что-то кричал мэр, называя меня сумасшедшим, однако это не мешало мне подбрасывать в камин. Я смотрел на огонь и почему-то представил ее зимой. Ее бледное, почти прозрачное лицо. На ней была короткая шубка и длинное темное платье. Вокруг слепил снег. Она зашла в подъезд высокоэтажного дома, поднялась лифтом на последний этаж и позвонила в дверь. Когда дверь отворилась, я увидел знакомое лицо молодого человека. Они зашли в комнату. Он поцеловал ее, помог раздеться. Потом снова целовал. Она улыбалась, однако глаза ее оставались такими же грустными. Похоже, она отвечала взаимностью и вместе с тем что-то сдерживало ее, не давая воли чувствам.

Я не знаю как сказать...

Что? – Он снова целовал ее и, продолжая расстегивать пуговицы на платье, вел ее в спальню.

Понимаешь... - пыталась что-то объяснить она.

Потом... - шептал он, целуя ее губы.

Я бы хотела...

Он выключил свет.

После... Все после...

Утром, когда они проснулись, комната была наполнена утренним солнцем. Они лежали в постели. Она повернулась к нему лицом, поцеловала в шею и, улыбнувшись, сказала:

У нас будет маленький...

Что? – так же улыбаясь, спросил он.

У нас будет ребенок. Наше с тобой дитя.

Постепенно улыбка исчезла с его лица. Он потянулся за сигаретами и закурил. Она молчала. Он курил, пока не задымел фильтр. Потом потушил окурочек. Она ждала.

Понимаешь... - произнес он. - Все это не совсем кстати... Вернее, совсем не кстати. На самом деле,

просто невозможно. Мне теперь не до этого...

Тебе? – спросила она.

Именно. То есть, ты тоже... Я хотел сказать... Словом, у меня несколько другие планы... Вообще рождение ребенка - это слишком серьезно. Ведь мы еще очень молоды... Я имею ввиду семью. Я думаю, у нас это еще впереди. Но сегодня, завтра, у нас много беззаботных дней молодости. Кстати, время может все поменять. Вдруг ты встретишь другого, более достойного, имею ввиду семейную жизнь. У меня тоже все может сложиться по-иному. Никто не знает, где ждет его судьба. Поэтому навешать на себя ребенка в таком возрасте, извини, глупо...

Ты говоришь страшные вещи. Я не верю, что это ты. Это просто шутка или плохой сон. Навешать ребенка... Господи, как это ужасно... Родить ребенка - это мгновение счастья. У тебя будет сын или дочь. Разве это не счастье? У тебя будет любящая жена.

Мы взрослые люди и понимаем, что все проходит, так же и любовь, она не долговечна и значительно короче жизни.

Зачем жизнь, если она дольше любви?

Ты говоришь глупости, начитавшись романов и посмотревшись кинофильмов. Любовь лишь в книгах и на экране остается вечной. В реальной жизни все иначе, к сожалению.

Она молчала. Лишь несколько капелек упали с ее ресниц.

Я буду рожать... - сказала она вдруг.

Ладно, успокойся. Мы что-то придумаем. Все будет хорошо. – Он гладил ее лицо. – У нас закончилось вино. Я сбегая... - Она молчала. Он оделся. – Я принесу тебе что-нибудь вкусенькое. Я мигом. Не скучай. Я люблю тебя...

Она улыбнулась.

Он вышел из квартиры. Машинально нажал кнопку лифта. Поднял голову. Над дверью висела табличка с надписью “Не пользоваться”. Он повернулся было уйти, но услышал знакомый звук. Дверь лифта открылась. Сделав шаг, но тут же замер. Кабины лифта не было. Вместо этого он увидел темень шахты и замасленные металлические тросы. Через считанные секунды дверь закрылась. Он нажал кнопку и дверь лифта повела себя, как и в первый раз. Какое-то время он стоял у закрытой двери и смотрел на табличку. Потом снял ее и, забрав с собой, пошел по лестнице.

Вскоре он вернулся в квартиру с шампанским и большим тортом. Он поцеловал ее.

- Поздравляю тебя. Поздравляю нас. Если можешь, прости меня, я действительно говорил ужасные вещи, словно что-то нашло на меня. Я люблю тебя. Все будет хорошо у нас. – Он поцеловал ее снова. Чуть заметная улыбка обозначилась на ее лице. Она склонила голову на его грудь и так долго молчала.

Как не хочется покидать тебя... - сказала она после долгого молчания.

Мы увидимся сегодня. В десять, как всегда, - говорил он, глядя ее волосы, - а совсем скоро мы будем вместе.

Навсегда... - добавила она. Потом приподняла голову. Лицо ее было счастливо, - Боже! – воскликнула она, взглянув на часы, - Десять... - Она второпях накинула шубку, подхватила сумочку. Он встал из-за стола, - Не провожай меня.

Я только к лифту...

Они вышли на площадку. Она нажала кнопку. Он стоял позади.

- Я люблю тебя... - произнес он. Она повернулась к нему и, обняв, поцеловала. Дверь за ее спиной отворилась. В то же мгновение его руки отпустили ее в темноту лифтовой шахты. Вскоре дверь затворилась. Какое-то время он стоял, словно в ступоре, смотря перед собой и взгляд его был неопределенным, не то зловещим, не то жалким.

Я!!! Я убил ее!!! Я!!! – эхом разносилось по дому.

Я открыл глаза. – Я убил ее!!! – кричал привязанный к креслу Булат. Его лицо укрылось каплями пота, лишь губы были сухими в трещинах, он тяжело дышал. – Я не мог оставаться с ней. У меня были планы. Я хотел делать карьеру. Она была больна. Больна психически. Это наследственность. У ее отца была шизофрения. Я не мог портить себе жизнь изначально...

Долгое время я рассматривал его лицо. Затем поднялся, налил вина и поднес бокал к его пересохшим губам. Булат с жадностью глотал хмельную влагу, растекавшуюся по подбородку, стекавшую на грудь, окрашивая одежду в бордовый цвет. Теперь я знал правду. И вдруг ощутил, как человек этот стал не интересен и, в сущности, не нужен мне... Не нужен никому... Живой...

Оставив его в кресле, я пошел к холодильнику. Оно лежало на тарелке, ожидая своего часа. Я

смазал его маслом, добавил соли и посыпал специями. В приготовлении пищи я оставался изысканным гурманом. Все свершится как надлежит, не забудется ни один компонент, блюдо должно быть совершенным, выглядеть эстетически и приготовлено по всем правилам кулинарного искусства, от этого будет зависеть его вкус. Я поставил его в микроволновую печь и включил кварцевое излучение. Волокна сердца, как и структура почек или селезенки довольно легко поддается температурной обработке, достаточно несколько минут подержать их в необходимом для приготовления режиме, и вы имеете готовый к употреблению продукт. Ничего лишнего. Блюдо из внутренних органов должно быть натуральным и целостным. Чем меньше пищевых добавок, тем естественней вкусовая гамма, поверьте мне, как профессионалу. Вскоре от печи уже шли приятно дразнящие вкусовые рецепторы запахи. Настоящему гурману трудно удержаться от подобного искушения. Запах запеченного мяса все больше и больше проникал в нос, волнуя желудок. Это свидетельствовало о его готовности. Я отключил печь и открыл дверцу. Румяный лоснящийся кусок парил ароматом. Теперь мне нужны были лишь нож и вилка. Я нарезал его небольшими аккуратными порциями. Кто-то любит поливать мясо соусом или майонезом, я же предпочитаю исключительную натуральность блюда, не меняя и не притупляя присущей самобытности и неповторимости вкуса всякого продукта. На какое-то мгновение я вспомнил ночь, мощный поток света, вырвавшийся из-за деревьев, холодный блеск железнодорожных рельс. Я взглянул на Булата. Его нутро страдало. Мучения были и вправду невыносимы. Давно пустой, истощенный желудок просил, молил, требовал. Запах мяса проникал во все его изнеможенные клетки. Хмельные от вина глаза Булата сверкали почти сумасшедшим первобытным желанием. Понятное дело, я смиловался. Теперь я стоял перед ним, держа в руках тарелку с этими аппетитными парящими кусочками. Из его глаз текли слезы. Я наколол один из кусочков и поднес к его рту. Кажется, никогда прежде мне не приходилось видеть столь молниеносного захвата. Это было, как удар хищной рыбы, заглатывающей свою жертву. Я едва успевал накалывать исчезающие на глазах кусочки. Похоже, он не жевал, глотая их целиком, губы его теперь блестели от масла, а глаза, следя за движениями моей руки, сверкали сумасшедшим блеском... Функционирует ли у него теперь мозг? – Думал я, - Помнит ли он, что был когда-то человеком., отцом, уважаемым чиновником, сливками местного общества, сильным мира сего? Какая все же безусловная относительность их существования и как грандиозна сила инстинкта самосохранения. Он проглотил последний кусок. Я дал ему запить. Красное вино снова окрасило его подбородок. Его тело расслабилось. Оно отдыхало, наслаждаясь сытым изнеможением. Мэр смотрел на меня, как на Божество, как на своего спасителя. Вполне вероятно, что он даже любил меня в эту минуту и сила его чувства была не меньшей, чем к самому близкому и родному человеку. Теперь мне осталось сказать те самые пять слов. Всего пять, как и обещал. Они станут заключительным аккордом, потрясающим гениальным апофеозом. Больше мы не сможем общаться. Я знал это наверняка, и смотрел на Булата, как смотрят на людей, которые сейчас должны уйти из жизни. Я не испытывал к нему ни жалости, ни сострадания, вместе с тем у меня не оставалось ни зла, ни ненависти. Я произнес их тихо и торжественно:

Ты только-что съел свою жену...

Затем я взял газету и стал читать вслух:

Одинадцатого ноября возле городского водохранилища найден изуродованный труп женщины... Здесь не указана одна маленькая деталь... - пояснил я, - У трупа не доставало некоторых внутренних органов... Может быть для кого-то это не так уж и важно...

Я отложил газету и взглянул на Булата.

Его глаза вдруг наполнились какой-то жидкостью, стали огромными, казалось веки уже не в силах удерживать их. Он сделал попытку освободиться от веревки. Чем дальше, тем решительней становились его намерения. Это были движения отчаяния, он упирался ногами в пол, бил по нему подошвами так, что ножки кресла, отрываясь от паркета зависали в воздухе, его тело судорожно вздрагивало и вытягивалось, он сделал еще несколько отчаянных ударов, ножки кресла оторвались от пола и назад уже не вернулись. Привязанный мэр вместе с креслом завалился на спину... И тут я увидел, как его вырвало... С открытого рта потекла светло-розовая сыворотка. Это было краное вино смешанное с желудочным соком. Потом я увидел как появились почти не перетравленные куски мяса. Его тело билось в конвульсиях, а мерзкая слизистая масса, вывергавшаяся из его утробы, возвращалась назад, перекрывала дыхание, проникала в горло, заливала трахею.

Вскоре тело успокоилось, и лишь время от времени чуть заметно судорожно вздрагивало. Промежутки между вздрагиванием становились все продолжительней и скоро тело окончательно утихло. Глаза оставались открытыми и такими же выпуклыми, словно их кто-то надул изнутри. Я подошел к столу и налил себе вина. Миссия была завершена. Я одел твидовый пиджак и вышел на воздух.

На улице похолодало, приближались первые в этом сезоне заморозки, деревья стояли без листьев, над пустырем плыла утренняя дымка, а воздух был свеж и и прозрачен. Дышалось свободно, на душе было легко и чисто, словно с нее стянули старую омертвевшую кожу. Где-то там, за пустырем, в дымке, пряталось кладбище. Я пойду туда сегодня. Пойду непременно... И вдруг я вспомнил! В подвале дома оставалась его маленькая дочь, которая могла стать единственным свидетелем. Этого нельзя было допустить.

Вернувшись в дом, я подошел к перевернутому креслу. Булат лежал с открытым ртом, наполненным розово-серой массой и с выпученными белыми глазами. Я отвязал его от кресла. Теперь веревка была не нужна ему. Она снова понадобилась мне. Я смотал ее на руке и отправился в подвал.

Еще открывая дверь, я ощутил знакомое тепло, которое очень быстро нарастало. Я держался за ручку двери, а голова моя кружилась, окружающий мир расплывался, а тепло все росло, превращаясь в красную жару, заполнявшую мозг.

Первые пятна света проявились в темноте и замерцали, словно включился старый кинопроектор с пленкой немого кино. Вскоре послышались какие-то шумы, я увидел, что лежу на полу. Не знаю сколько пролежал тут на пороге подвала, не знаю сколько прошло времени. Похоже, был вечер, а может ночь. В сущности, это не так уж важно. Я что-то собирался сделать. Очень важное. Исключительно важное. На моей руке висела смотанная веревка. Поднявшись на ноги, я отправился в подвал.

Оля лежала на диване. Она спала.

Поймите, у меня не было другого выхода, она была единственным и последним свидетелем. Она не должна была оставаться. Я подумал, что лучше это сделать во сне. Она так и не проснется и ее сон превратится в вечность, такую приятную детскую вечность. Вечный детский сон... Как хотелось бы так уснуть. Однако, мне это уже никогда не удастся. Моих детских снов не вернуть, я стал взрослым. Надо мной в потолке торчал железный крюк, какие бывают на старых бойнях, на них нанизывают туши забитых животных. Меня не интересовало когда и зачем он здесь появился, так или иначе, это была одна из закономерностей всего происходящего и это не должно было удивлять или располагать к размышлениям. Всего лишь незначительный вспомогательный атрибут, не больше. Я привязал к нему веревку. Затем сделал петлю. Мимолетно, лишь мимолетно подумал о том, как ловко мне удалось это сделать, словно я всю жизнь работал на эшафоте. Вероятно, приверженцы теории предыдущей жизни, рассматривая этимологию моего происхождения или там перевоплощения, решили бы, что в прошлом я вполне мог бы быть палачем. Впрочем, я до сих пор еще никого не убил. И это на самом деле было так. Мои руки были чисты... Я проверил петлю, веревка легко двигалась. В таком деле недопустима небрежность, расхлябанность действий, все должно быть взвешано, согласовано: структура веревки, способ узла, безукоризненность исполнения. Пусть спит. Пусть себе спит. Она даже не ощутит. Ей будет хорошо...

Как можно бережней, я взял ее на руки, так что ее головка с шелковыми золотистыми волосами коснулась моей щеки. В ту же минуту я почувствовал как девочка улыбнулась. Нет, вернее, я просто услышал это. Она действительно засмеялась во сне. Видимо ей снилось что-то приятное и веселое. Как это прекрасно. Как прекрасно уходить в вечность с таким чудным сном, думал я, приближаясь к виселице. Она должна быть благодарна мне. Однако, этот смех, он что-то напоминал мне, и я никак не мог вспомнить, что именно. Когда я одевал на ее шею петлю, то снова услышал его. Я говорю о смехе... Я отпустил ее тело и оно повисло, качаясь под потолком подвала. В тот же миг я увидел что-то невероятное. У нее открылись глаза...

Она проснулась. Тело продолжало покачиваться, а широко открытые голубые глаза смотрели на меня уже с мертвой застывшей улыбкой. Где я слышал этот смех? Продолжал думать я и вдруг припомнил зиму, зиму тридцатилетней давности. Может, именно этот ее взгляд... Эти голубые глаза на белой зиме... Глаза девочки, с которой я дружил в детском доме.. Я носил ее портфель, из-за чего надо мной смеялись мальчишки. Никто из наших не носил портфелей девочкам. Я выглядел смешным. Я знал и понимал это, но продолжал быть таким и носить ей портфель. Как-то, встретив нас за школой, они начали кидать в девочку снежками. Я как мог закрывал ее своим телом. Снежки больно били меня в грудь, в лицо, и мальчишкам снова было смешно. Я продолжал оставаться смешным. Им не удалось изменить меня. После, девочка заболела. Это была странная злая болезнь. Ей исказило лицо, она уже не казалась такой красивой как прежде И теперь мальчишки смеялись над ней и не только они. Я же оставался рядом, продолжая быть смешным для всех. Девочку положили в изолятор и стали лечить.

Однажды я подслушал разговор врачей, что ей необходимо как можно больше разминать мышцы лица и лучший способ для этого – смех. Ей нужно было больше смеяться. Тогда я решил сделать это. Я решил стать еще более смешным, но теперь лишь для нее. Когда опускались сумерки и все шли на ужин, когда крепчал мороз и потрескивали ветки на деревьях, я шел к окну изолятора, из которого на снег падала полоска света и ждал когда в окне появится она. Тогда я превращался в настоящего паяца, разыгрывал яркие спектакли, ходил на голове, падал в снег, хромал, морщился. Девочка от души смеялась над моими выходками. Смеялась до слез. И скоро ее лицо, на удивление всем, снова стало милым и красивым, как прежде. Прошли годы Мы стали студентами. Я продолжал носить ее сумку. Надо мной иногда посмеивались... Прошло еще несколько лет... И моя девочка, моя единственная и неповторимая девочка вышла замуж за другого. Больше чем она, надо мной так никто не смеялся... Теперь, сегодня, этот ее смех, в этом доме... Как он был похож...

Я вышел из подвала. Остановился в гостиной и осмотрел дом. Я вдруг заметил, что стены его снизу доверху покрывали надписи разного цвета, размера. Затем я прошел к камину, где на полу в кресле лежал бывший мэр с посиневшим лицом и взглянул на портрет, теперь из него на меня глядело морщинистое лицо старика в черной ливрее, я узнал его, однако что о нем говорить, ели он давно мертв...

Я вышел на порог дома и услышал под ногами шорох. Это были газеты. Я поднял одну из них. Она датировалась 23-им ноября. Сегодня было 21-е.

“Убийство в старом доме, Преступник задержан на месте преступления,” – прочел я заглавие. Дальше шел текст: “В доме на пустыре, что в нескольких километрах от города, обнаружен труп мэра Александра Булата. На месте преступления задержан гражданин К. В интересах следствия имя не сообщается. Непонятны и достаточно странны обстоятельства, ставшие особенно значимыми для расследования, обнаружены на месте преступления. А именно. Стены дома исписаны своеобразными комментариями к каждому из убийств. Автор надписей и есть сам преступник. Таким образом, убийца, словно фиксировал все свои преступления, ведя, так сказать, протокол убийства, тем самым, облегчив работу следственным органам. Это своеобразный отчет убийцы о проделанной им работе. Интересно, кому предназначался этот отчет? Каковы мотивы, приведшие к подобным циничным преступлениям? Это предстоит выяснить следствию. Из этих же настенных откровений стали известны обстоятельства, связанные с найденным ранее неопознанным изуродованным трупом женщины. Ею оказалась супруга покойного ныне мэра. Все детали ее смерти опять же таки самым скрупулезным образом зафиксированы в так называемых протоколах на стенах дома. Вышеизложенные обстоятельства наводят на мысль, что человек, совершивший такие преступления и разоблачивший себя столь своеобразным образом, может иметь серьезные нарушения психики. Трудно представить, как бы могла закончиться вся эта история, если бы не семилетняя дочь погибших Оля Булат, которой чудом удалось убежать из дома – тюрьмы, спасшись от зловещих рук монстра. Она и рассказала обо всем представителям правопорядка. Приметно то, что в подвале дома, где прятал ее преступник, обнаружена повешенная кукла - обстоятельство, лишний раз подтверждающее версию о неадекватности поступков задержанного. Весь характер преступлений предполагает особенно изощренный садистский мотив, вызванный явным психическим расстройством личности. Начато следствие, которое, надеемся, продлится не долго, благодаря тем же авторским комментариям на стенах дома, натурализму изложенных фактов, которым позавидовал бы самый удачливый литератор “крутых” сюжетов. Последующую информацию по делу ждите на наших страницах.

Я отложил газету. Номер за 23-е... Сегодня 21-е... В моем распоряжении оставалось два дня. Я мог изменить реальность. Она была в моих руках, Эти презренные СУЩЕСТВА, ОКРУЖАЮЩИЕ МЕНЯ, БЫЛИ В МОИХ РУКАХ. Я ИМЕЛ ЭКСКЛЮЗИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ НАПЕРЕД, Я МОГ РАСПОРЯЖАТЬСЯ И ИЗМЕНЯТЬ БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ. Я РУКОВОДИЛ СУДЬБОЙ. ТАКИМ ОБРАЗОМ МОГ ПОСТУПАТЬ ЛИШЬ БОГ...

Я почему –то остановился, опустив руку с маркером, в этот раз он был черного цвета. Последнее о чем я подумал, был его цвет. Я осмотрел стены. Все они были исписаны моей рукой, никаких других надписей не было... Зачем я это делал? Для кого?

Далекое знакомое чувство чуть затеплилось в глубинах моего организма, недостижимое и грандиозное тепло, формирующееся в космических недрах моего “Я” , приближалось к моему мозгу. Оно шло мощной огромной волной, сметающей на своем пути все лишнее, второстепенное, тленное. Я стоял в волнительном ожидании , освободив грудь. Оно приближалось с шальной неземной скоростью,

превращаясь в огромный красный шар, раскаленный до небывалой температуры, и этим шаром был мой собственный мозг, и сокрушавший мое убогое тело. Необъяснимую физическую легкость, приносящую несравнимое ни с чем наслаждение, ощутили все мои члены и я провалился в глубокий бесконечный простор, похожий на мираж...

Сначала слышались голоса. Вокруг меня говорили люди. Затем мрак постепенно рассеялся. Я лежал на полу. Надо мной склонились чужие незнакомые лица и еще много людей вокруг. Мужчины в полицейской форме. Чужие лица что-то говорили мне... Немного погодя я сидел на стуле... Я это отчетливо видел и осознавал... “Вы имеете право молчать... – говорили мне, - ...у вас есть право на защиту...”

Зачем они говорят мне об этом? Что-то мешало мне. Я попробовал поднять руку и увидел, что она прикована к моей другой руке железными наручниками.

На полу лежала газета. Тот самый номер “наперед”, сообщавший об убийстве в доме и моем аресте.

Какое сегодня число? - спросил я.

Вы имеете право молчать! – тут же услышал я.- Вопросы будем задавать мы.

Скажите мне, какое сегодня число?! – выкрикнул я раздраженно, - Сейчас же назовите число!!! Я требую!!!

У него истерика. Пригласите врача. Его нужно успокоить.

Я хочу знать сегодняшнее число!!! Я имею на это право!!! Меня использовали!!! Она предала меня!!!

Мужчины в полицейской форме держали меня за плечи, я продолжал требовать, кричать. Последнее, что зафиксировал мой мозг – мужчина в белом халате, державший в руке шприц. Потом полицейские выкрутили мне руки и тот в белом со шприцом ввел иглу в мою вену. Больше я не мог писать...

Утро одного из последних дней осени 1991 года было туманным и теплым, как для начала зимы. Кричали вороны. На окнах лавки “Second Hand” открывали ставни. За столиком возле окна в окружении старых вещей сидел ее старый хозяин, в прошлом театральный режиссер. Позади него, на стене висела пожелтевшая школьная виньетка.

Рядом на круглом дубовом столе с одной мощной резной ногой, стоял граммофон. Один глаз старика зажал небольшой увеличительный окуляр в медной оправе. Старик держал в руке граммофонную пластинку и тщательно счищал поржавевшим медицинским скальпелем чуть заметные капельки застывшего клея на тех дорожках, где игла граммофона натыкалась на преграду.

Отменный клей... - бормотал старик, - теперь такого не сыщешь...

Напротив, него по другую сторону стола, читал газету еще один старик в серой вельветовой куртке. Лицо его было прикрыто газетой и из-за нее время от времени всплывали облака табачного дыма. Бывшая профессия курившего господина – врач- психиатр.

Открылась входная дверь и на пороге появился третий старик, завешенный старыми допотопными фотоаппаратами. В руках он держал свежую прессу. В свое время этот старичок был главным редактором местной газеты, теперь же, как и его приятели, давно на пенсии.

Старик в вельветовой куртке опустил газету. В его губах дымила длинная курительная трубка. Он снял очки. Его лицо кого-то напоминало. Похоже, именно оно впервые появилось в дверном проеме дома на пустыре, однако, на нем тогда была черная лакейская ливрея.

Старик с фотоаппаратами подошел к столу и снял шляпу.

Мое почтение, господа.

Ждем тебя уже полчаса... - проворчал хозяин.

Редактор снял фотоаппараты и подсел к столу.

Хозяин взял со стола колоду игральных карт.

Сколько в банке? – поинтересовался редактор.

Четыре, кажется... - ответил режиссер.

Четыре и пятьсот... - уточнил врач-психиатр.

Все трое взяли за карты.

Я так и не понял, откуда в тюремной камере взялся этот туфель? – спросил врач после паузы.

- Туфля, - поправил режиссер

Редактор взглянул на режиссера. Тот многозначительно улыбнулся и его рыжие усы расплылись по его морщинистому лицу.

Он потянулся к небольшому черно-белому телевизору, стоявшему на подоконнике и включил его.

На экране – женщина-диктор с последними криминальными новостями.

События, связанные с резонансными убийствами, потрясшие не так давно наш город, дополнились еще одним, не менее загадочным. Арестованный заколол себя каблуком женской туфли, так называемой “шпилькой”. Туфля была найдена на полу камеры. Не менее загадочным обстоятельством представляется и то, что подобная обувь выпускалась еще в семидесятых годах. Как и каким образом туфля попала в камеру, остается самой сложной загадкой для следствия. Дальнейшую информацию слушайте в последующих выпусках.

Возле стола с игроками появляется женщина, в руках она держит поднос, на нем три бокала и бутылка коллекционного вина “Dom Jose”. Она ставит бокалы на стол.

Лизонька, выпей с нами – говорит режиссер, - сегодня мы имеем полное право.

Благодарю, я потом... - улыбается женщина. Голос ее на удивление знаком. Она ставит на стол бутылку и отходит. Проходит возле стены, где среди множества старых вещей стоит женский велосипед, на нем висит большая кожанная сумка почтальона.

Хозяин разливает вино.

Все трое отпивают из своих бокалов.

Дымит длинная трубка в тонких губах врача. В руках старики держат карты.

Поставь, пожалуйста, пластинку, я почистил ее... – говорит режиссер.

Фотограф ставит на граммофон пластинку. После короткого шипения звучит “Черная шаль”, теперь чисто, без помех.

Я пас... - говорит врач, бросая карты.

У меня каре, господа... – с удовольствием улыбается редактор, вскрывая карты.

Режиссер лукаво морщит лицо, шевелит рожими усами, затем карту за картой выкладывает на стол.

Флеш – рояль, прошу прощения...

Открывается дверь. В лавку заходит молодой человек. Старики не обращают на него внимания. Редактор снова раздает карты. Молодой человек проходит рядами, где висит старая одежда. Вскоре он останавливается, что-то привлекает его внимание. Это серый двубортный плащ. Молодой человек примеряет его возле зеркала. Старики полностью увлечены игрой. Тот же молодой человек уже в плаще рассчитывается с Лизонькой. Выходит из магазина. В ту же секунду все трое, позабыв о картах, бросаются к окну.

На улице молодой человек, одетый в только что купленный плащ, идет к остановке троллейбуса. Там он останавливается, достает что-то из кармана серого плаща.

Ес!!! – восклицает режиссер. Старики бьют по рукам. Режиссер в одно мгновение бросается к допотопному компьютеру, включает его, стирая рукавом пыль с монитора. Все трое припадают к экрану. Пальцы режиссера пробегают по клавиатуре. На экране возникает какая-то информация.

На учете в четвертой с прогрессирующими симптомами... - говорит режиссер. Старики снова бьют по рукам. Редактор накручивает пружину граммофона, опускает иглу на лоснящуюся поверхность пластинки и из трубы неожиданно вырывается задорный шлягер из кинофильма “Веселые ребята”. На лицах стариков нескрываемая, почти детская радость. Они дружно вторят мелодии, начиная танцевать. На них смотрит Лизонька со шваброй в руках, озорно улыбается, притопывая ногой и шваброй, которая вскоре превращается в ее руках на различные музыкальные инструменты, то это контрабас, то гитара, то трамбон. Старики поглощены залихватским танцем. А за окном падает первый в этом году снег.

Улица, которой идет молодой человек в сером плаще. Он идет все быстрее и быстрее. Скоро его силуэт теряется в белой пелене. За открытыми ставнями лавки “Second Hand” движутся человеческие фигуры. Это резвятся трое стариков и Лизонька. Тихо падает снег.